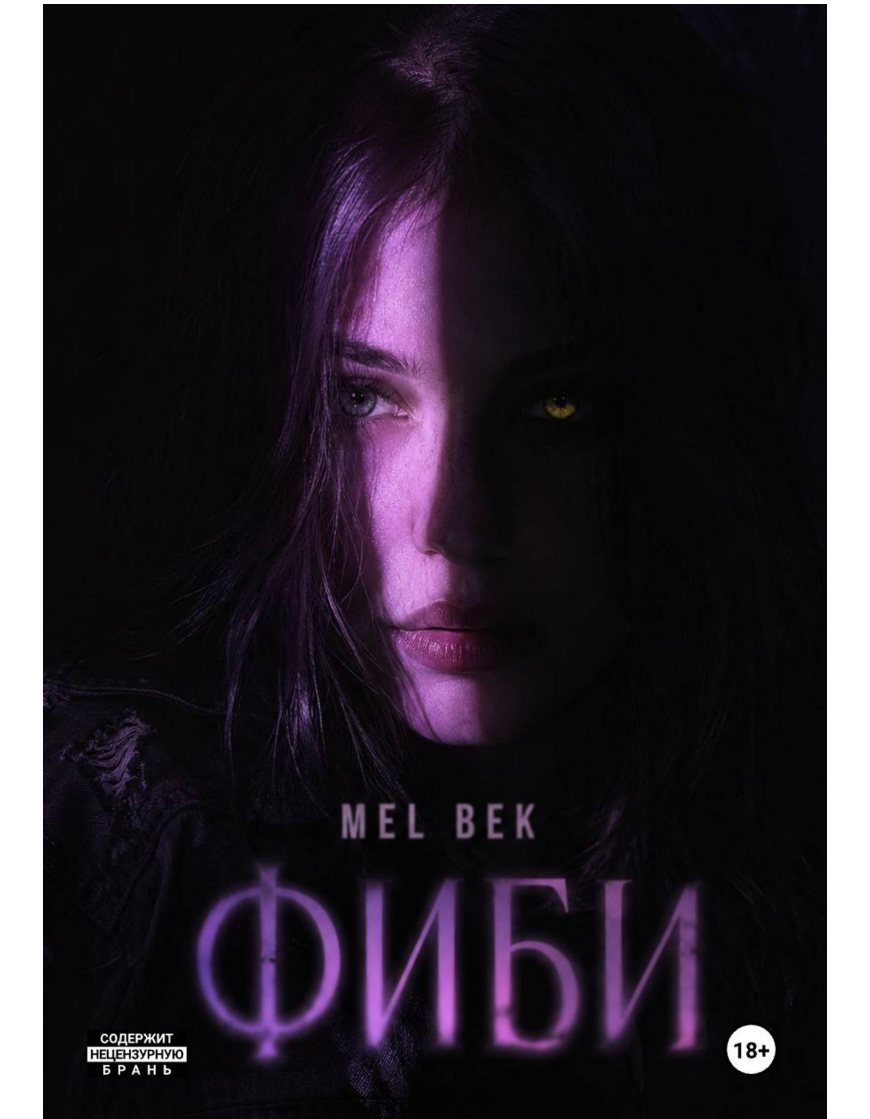

MEL BEK

ФИБИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Mel Bek

Фиби

<https://litres.ru/74290269>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда, чтобы найти себя, нужно попасть в другой мир.

Именно это случилось с Фиби, когда она проснулась в лаборатории опасного учёного другого мира. Выживая и проходя различные трудности, она пытается вернуться домой, но стоит ли... Что, если её дом — это тот мир, в который она попала? Какую роль в её появлении играет товарный поезд? На эти вопросы Фиби должна ответить, пока её не съел очередной монстр.

Содержание

Предупреждения	6
Глава Первая. Нергал.	7
Глава Вторая. Мефисто.	10
Глава Третья. Мефисто.	15
Глава Пятая. Фиби.	32
Глава Шестая. Фиби.	42
Глава Восьмая. Фиби.	89
Глава Девятая. Нергал.	100
Глава Десятая. Фиби.	107
Глава Одиннадцатая. Деус.	120
Глава Двенадцатая. Мефисто.	132
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Mel Bek

Фиби

Посвящается моей близкой подруге, которая подарила мне веру в собственные силы, когда тьма поглотила меня целиком.

Спасибо, Лиза, и с днём рождения

Оглавление

Предупреждения

Глава Первая. Нергал.

Глава Вторая. Мефисто.

Глава Третья. Мефисто.

Глава Четвёртая. Нергал

Глава Пятая. Фиби.

Глава Шестая. Фиби.

Глава Седьмая. Фиби

Глава Восьмая. Фиби.

Глава Девятая. Нергал.

Глава Десятая. Фиби.

Глава Одиннадцатая. Деус.

Глава Двенадцатая. Мефисто.

Глава Тринадцатая. Берилл.

Глава Четырнадцатая. Фиби.

Глава Пятнадцать. Фиби.

Глава Шестнадцать. Мефисто

Глава Семнадцатая. Деус.

Глава Восемнадцатая. Фиби.

Глава Девятнадцатая. Леон.

Глава Двадцатая. Фиби.

Глава Двадцать Первая. Леон.

Глава Двадцать Вторая. Фиби

Глава Двадцать Третья

Эпилог

Предупреждения

ВНИМАНИЕ! Данное произведение содержит сцены и темы, которые могут вызвать дискомфорт у чувствительных читателей. Перед прочтением ознакомьтесь со списком триггеров...

Насилие и расчленение

Телесные наказания, принуждение и угрозы пыток

Психологическое давление, манипуляция и газлайтинг

Нарушение личных границ, нежелательные прикосновения и принуждение к медицинским процедурам

Сцены, вызывающие сильный страх и панику

Кровь, медицинские инструменты и боди-хоррор

Жестокое и унижительное обращение, стигматизация

Глава Первая. Нергал.

Он задумчиво сидел в кресле. Глубокий, тёмно-бордовый бархат кресел с лёгкой патиной времени оттенял его бледную кожу. Нергал откинул длинные серые волосы за острые эльфийские уши, и одна прядь упала на лицо, почти скрыв красный глаз, в котором мерцал не покойствие, а тягучая, многослойная усталость. Мускулистое тело под облегающей рубашкой с V-образным вырезом было расслаблено лишь внешне — в каждой линии чувствовалась готовность к броску, как у хищника, застывшего перед прыжком.

Кабинет, в котором он находился, выдержан в строгом аристократическом стиле. Стены из тёмного, почти чёрного дуба скрывались за стеллажами с древними фолиантами в кожаных переплётах с металлическими уголками. Тяжёлые портьеры цвета запёкшейся крови были сдвинуты, открывая высокое стрельчатое окно с витражом, где сквозь свинцовые переплёты пробивался тусклый, болезненно-золотистый свет заката. В углу камина потрескивал огонь, отбрасывая пляшущие тени на бронзовых гарпий, служивших подсвечниками, и на массивный письменный стол из чёрного мрамора с позолоченными инкрустациями в виде змей, кусающих собственные хвосты.

Пахло здесь старым пергаментом, воском сургучных печатей и едва уловимым, терпким ароматом дорогого табака, который тянулся из нефритовой чаши кальяна, забытой на низком столике с инкрустацией из черепахового панциря. На стенах висели портреты в массивных рамах: суровые предки с демоническими чертами, чьи красные глаза на полотнах, казалось, следили за каждым движением Нергала. В воздухе висела та особенная, звенящая тишина старых родовых гнёзд, где каждый треснувший пол под ногами мог рассказать о предательстве или крови.

Нергал медленно провёл длинными бледными пальцами по подлокотнику, ощущая холод резных гаргулий, венчавших ручки кресла. Сейчас, в этом убежище из камня и вековой пыли, его демоническая привлекательность казалась ещё более острой и болезненной — как лезвие, которое слишком долго правили. Он не смотрел на огонь. Взгляд красных глаз был устремлён сквозь стены, туда, где даже его власть бессильна.

Он замолчал на несколько секунд, глядя куда-то в пустоту, а затем продолжил тихим голосом, в котором, однако, чувствовался камень:

— Даже если она снова упадёт в тьму Бездны, я отправ-

люсь следом за ней. Не потому, что верю — что смогу её спасти. А потому, что без неё мне нечем дышать. И пусть Бездна жрёт меня заживо — я хотя бы умру, видя её лицо. Она стала моей слабостью. Моей трещиной в броне. И я... — Короткий, горький смешок сорвался с его губ, обнажив на миг острые клыки. — Я больше не хочу быть целым.

Глава Вторая. Мефисто.

Он возвышался над операционным столом, и его фигура в тусклом мерцании магических ламп казалась высеченной из ночи. Высокий, с атлетичным, подтянутым телосложением — каждый дюйм этого тела дышал сдерживаемой, опасной силой. Тёмные волосы с едва уловимым фиолетовым отливом были растрёпаны так, словно он только что вышел из схватки или, напротив, готовился в неё ворваться. Резкие, хищные черты лица обострялись в полумраке: острые скулы, тонкий нос, ироничная кривизна губ, сложившихся в холодную, самодовольную полуулыбку. Но главное — его глаза. Ярко-красные, с пристальным, пугающим взглядом, и у одного из них белок был полностью чёрным, будто сама Бездна смотрела сквозь эту аномалию.

Лаборатория, в которую он превратил эту комнату, не походила на больничную палату. Поздняя ночь давила на стрельчатые окна, затянутые чёрной вуалью заклинаний, а вместо стерильного света здесь властвовали магические лампы с голубоватым, больным свечением. Стены были испещрены древними письменами, которые пульсировали в такт дыханию хозяина. На массивных дубовых стеллажах — не книги, а банки с органами, заспиртованными образцами и пыльными гримуарами в переплётах из человеческой кожи.

Пол из чёрного камня был исцарапан когтями — и не одного десятка жертв. Посередине, под единственной лампой, стоял операционный стол из почерневшего серебра, а на нём... труп демона, который сегодня ночью осмелился пробраться в комнату Фиби.

Он не спрашивал приказа. Он просто нашёл этого пса, приволок его сюда, оглушённого, связанного тенью, и сейчас, в тишине, нарушаемой лишь хлопанием рассекаемой плоти, медленно, со знанием дела, вскрывал грудную клетку. Скальпель блестел в свете ламп, тонкий, как лезвие бритвы, и рука, державшая его, не дрожала. Только щупальца за спиной выдавали истинное состояние — они бились, как привязанные к шторму: то сжимались в тугие кулаки, то рвались вперёд и царапали каменные стены, оставляя глубокие борозды. Эти тёмные отростки, живущие своей жизнью, были частью его наказания — и его силы. Сейчас они голодно тянулись к жертве.

— Ты думал, что сможешь до неё дотронуться? — прошептал он, и голос его был тихим, вкрадчивым, как масло, стекающее на раскалённую сковороду. Он провёл лезвием по рёбрам жертвы, не спеша, пробуя каждый миллиметр на сопротивление. — Что твои грязные лапы... коснутся её волос? Её шеи? Её...

Скальпель вошёл резко, с хрустом, — не для вскрытия, а для чистого, невыносимого удовольствия. Труп дёрнулся в своих оковах. Он даже не взглянул на лицо жертвы. Его красные глаза с чёрным белком смотрели куда-то внутрь, в собственный ад.

— Нет. Нет, нет, нет. Она моя. Только моя. Я собрал её по кусочкам, когда она истекала чёрной слизью. Я зашивал её шрамы. Я одевал её. Я заплетал ей косы. Я первый увидел, как она улыбается во сне. А ты... — Он наклонился ближе, и его дыхание коснулось мёртвой плоти, — ты просто мясо, которое посмело на неё дышать.

В этот миг щупальца вырвались вперёд, как плети разгневанного божества, сжали голову трупа и с глухим ударом вдавили её в серебряную поверхность стола. Послышался треск костей, но он даже не поморщился. Напротив, на его губах расцвела та самая холодная, самодовольная полуулыбка — неживая, кукольная, пугающая своей отрешённостью.

— Знаешь, в чём разница между мной и вами, животные? — продолжил он, чуть повысив голос, но не срываясь на крик. В этом тоне звучала абсолютная, ледяная уверенность хирурга, который вскрыл сотню таких, как этот. — Вы убиваете, потому что голодны. А я — потому что хочу, чтобы она была в безопасности. Даже если для этого придётся вы-

резать весь этот грёбанный мир до основания.

Он замолчал на несколько секунд. В лаборатории стало тихо — лишь магические лампы гудели, да щупальца тихо постукивали по камню. Потом он медленно повернул скальпель, вонзённый меж рёбер, и труп беззвучно содрогнулся от этого осквернения.

— Она думает, что я её лечу, — выдохнул он, и в этом выдохе вдруг проступило нечто почти человеческое — усталое, надломленное, голодное. — На самом деле... она лечит меня. И я не позволю никому забрать моё лекарство.

Мефисто резким движением откинул скальпель — тот со звоном покатился по каменному полу, оставляя кровавый след. Затем, не глядя, снял окровавленные перчатки, бросил их прямо на лицо трупа. Щупальца за спиной, всё ещё дрожащие от пережитого возбуждения, мягко обвили его собственные плечи, как змеи, утешающие своего хозяина. Он поднял голову к потолку, где в голубоватом свете плавали тени. Его губы шевельнулись беззвучно, но в этом беззвучии читалось то, что он никогда не произнесёт вслух при свидетелях:

«Я не отпущу. Даже если она захочет уйти. Даже если Нергал прикажет. Даже если все боги этого мира восстанут. Она

останется со мной. Живая. Мёртвая. В любой форме. Навсегда».

Глава Третья. Мефисто.

Несколько часов назад.

Тьма за окнами товарного поезда была плотной, как дёготь. Где-то далеко, на другом конце состава, ухали сцепки, лязгали буфера, и этот ритмичный, тяжёлый звук смешивался с мерным стуком колёс, создавая колыбельную для всех, кто когда-либо засыпал под перестук рельсов.

Но в этом вагоне никто не спал специально.

Здесь вообще не должно было быть никого.

Вагон был грузовым — старым, ржавым, с деревянными стенами, которые когда-то красили в тёмно-зелёный, а теперь облупившаяся краска висела лохмотьями. Пол был усыпан сеном — свежим, пахнущим летом и полем, хотя какое лето могло быть в этом мире, где вечная осень цеплялась за горизонт? В углу валялось несколько тюков, перевязанных проволокой, и ящик с надписью на неизвестном языке — «Хрупкое. Не кантовать».

И среди всего этого, на ворохе сена, свернувшись калачиком, спала девушка.

Она была одета странно для этих мест — тонкая футболка с выцветшим принтом группы, которую здесь никто никогда не слышал, поношенные джинсы, потёртые на коленях, носки без пары — один серый, другой с полосками. Волосы разметались по сну, густые, тёмные, с рыжеватым отливом в том слабом свете, что просачивался сквозь щели в стенах. Лицо во сне было спокойным, почти детским — без той настороженности, которая появилась бы, проснись она.

Фиби спала.

Она не помнила, как оказалась в этом поезде. Не помнила, откуда он ехал и куда направлялся. Во сне ей снилось что-то хорошее — возможно, дом, возможно, мамины руки, возможно, запах свежего хлеба по утрам. Её губы чуть шевелились, произнося слова, которые нельзя было разобрать.

Ей было тепло.

И она была в безопасности.

Пока поезд не остановился.

Лязгнули тормоза, протяжно и болезненно, как крик раненого животного. Состав дёрнулся раз, второй, третий, и за-

мер. Тишина, нарушаемая только шипением пара где-то впереди, опустилась на вагон, давящая и неестественная.

Фиби во сне нахмурилась, перевернулась на другой бок и подтянула колени к груди, ища тепло. Тот, кто должен был вести этот поезд, внезапно исчез. Или никогда и не был здесь. Вагон стоял на путях, в нигде, в той самой точке, где реальность истончилась до предела.

За стенками вагона кто-то ходил.

Шаги были мягкими, почти бесшумными — но земля под ними ощущала. Трава, пробивающаяся сквозь шпалы, замирала. Воздух сгущался. Где-то высоко, над крышей вагона, невидимые ночные птицы сорвались с мест и улетели прочь — всем скопом, словно почувствовали хищника.

Дверь вагона со скрежетом отворилась.

В проёме стоял мужчина.

Тёмный силуэт на фоне ещё более тёмного неба. Длинный плащ — или халат? — развевался на ветру, хотя ветра не было. Руки спрятаны в карманы, поза расслабленная, почти скупающая. Единственное, что выдавало в нём нечеловеческую сущность — это глаза. Они светились. Слабо, блёкло,

но светились — двумя тусклыми угольками в черноте лица.

Мефисто.

Он пришёл один. Без щупалец — пока что. Без инструментов — пока что. Он просто стоял в проёме двери и смотрел на спящую девушку, как смотрят на неожиданную находку: с любопытством, с холодным расчётом и с той особенной, собственнической улыбкой, которая появляется у коллекционера, нашедшего редкий экземпляр.

— Ну надо же, — сказал он тихо, и голос его растворился в ночи. — А я думал, что за запах меня сюда притащил. В товарном поезде. В сене.

Он шагнул внутрь.

Деревянный пол скрипнул под его ногой, но Фиби не проснулась. Сон её был слишком глубоким — или слишком тщательно сделанным. Она продолжала лежать на боку, поджав одну руку под щеку, как ребёнок, и что-то тихонько бормотать во сне.

Мефисто медленно обошёл её кругом, заложив руки за спину, как профессор, осматривающий необычный экспонат. Он наклонился, принялся — не к ней, а к воздуху во-

круг неё. В его движениях было что-то звериное, когда он вынюхивал след, но лицо оставалось спокойным, даже отстранённым.

— Не пахнешь этим миром, — констатировал он. — Вообще никак не пахнешь. А должна бы. Всякая всячина тут воняет за версту. А ты — чистая. — Он хмыкнул. — Абсолютный ноль. Бутылка дистиллированной воды в мире, где все пьют болотную жижу.

Он присел перед ней на корточки, сложив руки на коленях, и принялся разглядывать её лицо в упор. Слишком близко. Слишком пристально. Его дыхание касалось её щеки, но она спала, такая уязвимая, такая глупая в своей беззащитности.

— И что мне с тобой делать? — спросил он её спящую, как будто она могла ответить. — Нергал обрадуется. Очень обрадуется. Ты же для него — клад. Для меня — тоже, но по-другому.

Он протянул руку и осторожно, кончиками пальцев, убрал прядь волос с её лица. Жест, который мог быть нежным, но в его исполнении скорее напоминал оценку товара: «Без дефектов. Хорошая сохранность. Почти новая».

— А ну-ка, — пробормотал он, оттягивая её нижнюю губу большим пальцем. Во сне Фиби нахмурилась и попыталась отодвинуться, но не проснулась. — Так-так. Зубы островаты. Нечеловеческие? Или так кажется?

Он отпустил её губу, и она снова расслабилась, уткнувшись носом в сено.

Мефисто выпрямился и прошёлся по вагону, заглядывая в углы, проверяя ящики, принюхиваясь к тюкам. Всё было обычным — для этого мира. Сено, ящики, старая древесина, пахнущая плесенью и временем. И девушка. Совершенно обычная, земная, ничем не примечательная девушка, которая заснула в одном месте, а проснётся — в другом.

Если проснётся вообще.

Он вернулся к ней и снова присел.

— Ладно, — сказал он, как будто принял решение. — Понедельник, без четверти полночь. Фиби — так тебя зовут? Я прочитал по губам. Ты во сне своё имя бормотала. — Он усмехнулся, покачал головой. — Даже во сне ты не умеешь молчать. Невыносимая.

Он протянул руки и подхватил её — легко, как котёнка,

как вещь, как что-то, что не имело веса. Одна рука под спину, вторая — под колени. Фиби не проснулась, только вздохнула во сне глубже и прильнула к его груди, ища тепло. Её голова уткнулась ему в плечо, пальцы рефлекторно сжали ткань халата на груди.

Мефисто замер.

Он не ожидал, что она так... доверчиво прижмётся к нему во сне. Что её пальцы сожмут его халат, как в детстве сжимают руку матери, когда страшно. Что её дыхание будет таким спокойным, таким ровным, будто она пришла домой, а не в руки демона, который уже строил планы на неё.

— Глупая, — сказал он тихо. — Ты даже не знаешь, кто тебя держит.

Он прижал её чуть крепче — инстинктивно, неосознанно, не потому что хотел, а потому что она могла выскользнуть. Фиби что-то пробормотала во сне, уткнулась носом ему в шею и затихла.

Мефисто стоял посреди старого товарного вагона, держа на руках спящую девушку из другого мира, и впервые за долгое время не знал, что сказать. Не знал, шутить ли, усмехаться ли, прокомментировать ли её вес (легка, как пёрышко)

или её запах (мыло, сено, и что-то ещё — тёплое, живое, человеческое).

Вместо этого он молча вышел из вагона, перешагнув через порог, и ступил на землю, которая не была землёй.

Поезд за его спиной начал исчезать.

Не взрываться, не гореть — просто таять, как мираж, как воспоминание, как сон, который забывается через секунду после пробуждения. Сначала исчезли колёса, потом стены, потом сено и ящики. Осталась только пустота, рельсы, уходящие в никуда, и запах озона, который всегда сопровождает разрывы реальности.

Мефисто повернулся спиной к уходящему поезду и направился к portalу, который уже открывался в нескольких шагах от него — чёрному, пульсирующему, пахнущему бездной и тем самым Нефелионом, где ждали лаборатория, инструменты и любопытство Нергала.

Фиби на его руках вздохнула во сне и улыбнулась — чему-то хорошему, что ей снилось в последние секунды перед тем, как мир перевернулся.

— Спи, — сказал ей Мефисто, шагая в портал. — Это

твой последний спокойный сон надолго. Пользуйся, пока есть возможность.

Портал закрылся за ними с тихим, почти музыкальным звоном.

Вагон исчез окончательно.

Поезд, которого никогда не существовало, больше не стоял на путях.

А Фиби спала на руках у демона, не подозревая, что её жизнь только что закончилась в одном мире и началась в другом — тёмном, жестоком и полном вопросов, на которые у неё не будет ответов.

Потому что ответы уже стёрли.

И потому что тот, кто нёс её сейчас так осторожно, будто боялся разбудить, уже знал: она станет либо ключом, либо жертвой, либо тем и другим одновременно.

Но пока — она спала.

И была в безопасности.

Настоящей? Или иллюзорной — это станет ясно позже.

А пока — только стук колёс в пустоте, исчезающий звук, и две фигуры: одна большая, вторая маленькая, уходящие в темноту.

Мефисто нёс её не как ношу.

Он нёс её как сокровище, которое ещё не знает своей цены.

И в этом, пожалуй, была самая страшная ирония этой ночи.

Глава Четвёртая. Нергал.

— И снова ты притащил в мою Цитадель что-то живое, — произнёс Нергал, прислонившись плечом к дверному косяку и скрестив руки на груди.

Мефисто даже не обернулся. Он возился у операционного стола, поправляя подушку под затылком спящей девушки, проверяя, достаточно ли удобно лежат её руки вдоль тела. На его лице не было и тени смущения — только сосредоточенность хирурга перед важной операцией.

— Она не «что-то», — ответил Мефисто, не повышая го-

лоса. — Она человек.

Нергал медленно вошёл в лабораторию, обходя стол по широкой дуге. Красные глаза скользнули по лицу спящей — бледному, безмятежному, с длинными ресницами, отбрасывающими тени на щёки. На ней была простая одежда — потрёпанные джинсы, тонкая серая футболка, носки без пары. Обувь Мефисто снял и аккуратно поставил под стол.

— Человек, — повторил Нергал, словно пробуя слово на вкус. — В таком месте? В такое время?

— Именно, — Мефисто щёлкнул пальцами, и над столом зажглись несколько магических огней — холодных, зеленоватых, освещающих девушку со всех сторон. — Я нашёл её в товарном поезде. На границе миров. Спала на мешках, одна, без документов, без вещей. Если бы я её не забрал, кто-нибудь другой — менее добросовестный — обязательно бы нашёл.

Нергал хмыкнул — недоверчиво, с лёгкой усмешкой.

— «Менее добросовестный», — повторил он. — Ты говоришь о себе в третьем лице, Мефисто? Или пытаешься убедить меня, что притащил её сюда из альтруизма?

Мефисто наконец обернулся. Его тёмные глаза блестели в свете магических огней — не безумно, как обычно, а холодно и расчётливо.

— Я притащил её сюда, — сказал он, чётко разделяя слова, — потому что она — редчайший экземпляр. Ты хочешь слушать дальше или будешь продолжать подкалывать меня всю ночь, мой господин?

Нергал отступил на шаг и сделал приглашающий жест — мол, продолжай, я слушаю.

Мефисто повернулся к девушке и начал говорить — сухо, деловито, как лектор, читающий лекцию у операционного стола.

— Образец: особь женского пола, возраст — примерно шестнадцать лет. Определяю по внешним признакам — костяк ещё не окончательно сформирован, кожа без возрастных изменений, отсутствуют вторичные признаки зрелости в полном объёме.

Он провёл рукой над её лицом, не касаясь, и над столом возникло мерцающее зелёное поле — магический сканер, который он сам разработал годы назад.

— Рост — приблизительно сто шестьдесят три сантиметра. Вес — ниже нормы для её возраста и роста. Признаки истощения: выступающие ключицы, видимые рёбра при пальпации, сухая кожа. Предположительно — длительное недоедание.

Нергал подошёл ближе, заглядывая через плечо Мефисто.

— Шестнадцать, — сказал он задумчиво. — Ребёнок почти.

— Почти, — согласился Мефисто. — Но не совсем. В её возрасте люди в её мире уже считаются молодыми взрослыми. Несут ответственность. Работают. Учатся. Воют.

— Воют? — Нергал приподнял бровь.

— Иногда, — Мефисто пожал плечами. — Любые существа умеют воевать. Когда приходит время.

Магическое поле над девушкой замерцало ярче, и Мефисто прищурился, читая возникающие в воздухе символы.

— Магический фон — нулевой. Абсолютный ноль. Она не колдунья, не ведьма, не носитель. Чистый человек.

— Чистый, — повторил Нергал. — Ты уверен?

Мефисто не ответил. Он протянул руку к столику с инструментами, взял тонкий шприц, и одним быстрым, почти незаметным движением ввёл иглу в вену на сгибе локтя девушки. Она не проснулась — сон был слишком глубоким, возможно, магическим, возможно, просто истощение сделало своё дело.

Тёмная кровь потекла в прозрачный цилиндр.

— Возьму на анализ, — сказал Мефисто, вынимая иглу и прижимая к ранке маленький тампон. — Резус-фактор, группу, наличие примесей. Всё проверю.

Нергал смотрел на спящую девушку долгим, тяжёлым взглядом. Потом перевёл глаза на Мефисто.

— Ты выглядишь... взволнованным, — заметил он. — Это не похоже на тебя.

— Я не взволнован, — ответил Мефисто, убирая шприц в специальный контейнер. — Я заинтригован. На границе миров, в товарном поезде, шестнадцатилетняя девушка без магии и без защиты. Это не случайность, Нергал. Такое не случается просто так.

— И что ты предлагаешь? — Нергал склонил голову, красные глаза блеснули. — Оставить её? Вылечить? Использовать?

Мефисто помолчал. Потом посмотрел на спящую — на её бледное лицо, на тёмные круги под глазами, на безвольно лежащие руки.

— Сначала — разбудить, — сказал он. — Накормить. Объяснить, где она. А потом — посмотрим. Она может быть полезна.

— Или опасна, — заметил Нергал.

— Всё может быть опасно, если не знать, как обращаться, — парировал Мефисто. — Даже ты.

Нергал усмехнулся — на этот раз без насмешки, скорее с неожиданным уважением.

— Ладно, — сказал он, направляясь к выходу. — Развлекайся со своей находкой. Но помни, Мефисто — если она окажется угрозой, я не буду церемониться.

— Она не окажется, — ответил Мефисто, глядя на девуш-

ку.

Он не был в этом уверен. Ни на секунду.

Нергал вышел, и в лаборатории снова стало тихо — только мерное дыхание спящей да лёгкое потрескивание магических огней.

Мефисто сел в кресло напротив стола и долго смотрел на неё. На её лицо. На тампон, прижатый к локтю. На маленькую каплю крови, выступившую из-под ваты.

— Кто же ты такая? — прошептал он.

Она не ответила.

— Шестнадцать лет, — продолжил он, как будто она могла его слышать. — Целых шестнадцать лет ты где-то жила, прежде чем оказаться в моём мире. Имела имя, семью, может быть, друзей. А теперь ты здесь. И ничего этого не помнишь. Или помнишь, но скоро забудешь.

Он встал, убрал тампон, накрыл её одеялом — старым, потрёпанным, но чистым.

— Спи, — сказал он. — Завтра начнётся самое интерес-

ное. И самое страшное. Для нас обоих.

Он погасил свет.

Зелёные огни погасли один за другим, и комната погрузилась в полумрак.

Фиби спала, не зная, где она, кто она, и что демон в белом халате только что впервые за много лет почувствовал нечто, похожее на... беспокойство.

Не о себе. О ней.

Глава Пятая. Фиби.

Мефисто сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и смотрел на мечущуюся вокруг окон Фиби. Его пальцы медленно поглаживали подлокотник, вырезанный из чёрного дерева в форме спящей гарпии. Белый халат хирурга был безупречен — ни складки, ни пятна, хотя в углу лаборатории ещё сохла недавняя жертва.

Фиби заметалась от одного окна к другому, как птица в клетке, которую он построил специально для неё. Высокие стрельчатые проёмы были затянуты не стеклом — магической плёнкой, непроницаемой для пальцев, ногтей, даже для её отчаяния.

— Итак, давай проясним ситуацию, — произнёс он, не повышая голоса. В тишине лаборатории каждое слово звучало как приговор, вынесенный загодя. Он хлопнул в ладони — резко, сухо, как выстрел — и качнулся в кресле, позволив себе эту мальчишескую раскачку. — Ты попала в этот мир, «по твоему утверждению», через товарный поезд.

Он сделал паузу, наслаждаясь её отражением в матовом стекле — тёмная фигурка на фоне голубоватого магическо-

го света. При этом ты не помнишь, как там оказалась, и не соображаешь, где находишься. Вдобавок, резус-фактор твоей крови — нулевой, что делает тебя очень лёгкой жертвой для наших врагов.

Он поднялся с кресла и медленно, по-кошачьи бесшумно, прошёлся вдоль стеллажей с заспиртованными образцами. Стекло банок тускло поблёскивало в полумраке, а внутри плавали органы — чьи-то сердца, чьи-то глаза, чьи-то сорванные голосовые связки.

— У тебя остаётся два варианта, — продолжил он, оставившись напротив неё, но на почтительном расстоянии. — Первый — я тебя отпускаю. Но факт того, что ты остаёшься живой, крайне маловероятен. Ты не обучена, не вооружена, даже не понимаешь правил этой игры. Скорее всего, ты станешь едой для какого-нибудь монстра. Медленной едой.

Фиби вцепилась в подоконник, подтянулась и забралась на него с ногами, будто высота могла её спасти. Она пыталась нащупать ручку — хоть какую-нибудь щель, защёлку, намёк на открывание. Но гладкая поверхность не поддавалась. Ни ручек, ни замков, ни единой трещины.

— И второй, — сказал Мефисто, чуть наклонив голову и наблюдая за её бесплодными попытками с научным интере-

сом. — Ты остаёшься здесь, под моим присмотром. И тебе ничего не угрожает. Тепло, сыто, безопасно. Всего лишь маленькая плата за твою жизнь.

Фиби дёрнула оконную раму в последний раз, с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Затем резко обернулась, прижавшись спиной к холодной поверхности, и выкрикнула ему в лицо:

— ПОШЁЛ К ЧЁРТУ!

В лаборатории повисла тишина. Даже заспиртованные органы, казалось, замерли в своих банках. Мефисто замер тоже — на секунду, не больше. Потом обиженно выдохнул, как учитель, которому нагрубил нерадивый ученик, и медленно встал с кресла.

— Фиби, Фиби, — протянул он, разводя руками, — ты же в гостях. А сбегает от такого душевного собеседника, как я, дорогого стоит. — Он потянулся к вороту халата и распахнул его. Из-под белой ткани, из-за спины, стали выползать щупальца — сначала одно, потом три, потом все шесть. Они скользили по воздуху, влажные и живые, отбрасывая длинные тени на стены.

Одно щупальце обвило её за талию, мягко, но неумолимо.

Второе — за лодыжки, третье — за запястья. Она дёрнулась, попыталась ударить ногой, но конечности уже были скованы, как стальными браслетами. Щупальца притянули её к Мефисто так, что она упиралась спиной и затылком в его грудь.

Девушка судорожно дышала, грудная клетка ходила ходунком. Она подняла взгляд на его демоническое лицо, и сердце забилось чаще — не только от страха. В этом лице было что-то гипнотическое: острые скулы, тонкие губы, и глаза — тёмные, бездонные, с одним чёрным белком, который пульсировал в такт её панике.

Мефисто улыбался. Зловеще, абсолютно спокойно, как смотрят на муравья перед тем, как накрыть его лупой. Он приподнял её лицо за подбородок — два пальца легли на кожу, холодные, как лезвие скальпеля, хранившегося в морге. Она не могла отвернуться. Он зафиксировал её взгляд и дал понять без слов, кто здесь главный. Только он.

— Какой вариант ты выберешь? — спросил он, и голос его был почти ласковым. Таким голосом говорят с детьми перед сном или с пациентами перед наркозом.

— Я... я... — выдавила Фиби. Губы не слушались, язык прилипал к нёбу. Она хотела сказать «пошёл ты», хотела плюнуть ему в лицо, хотела вырваться — но тело отказыва-

лось подчиняться. Слово застряло в горле колючим комком.

Мефисто тихо рассмеялся — негромко, почти нежно, как смеются над неуклюжим котёнком. Потом щупальца исчезли так же внезапно, как появились. Фиби рухнула на пол, больно ударившись копчиком, и осталась сидеть, растерянно моргая.

— Разумеется, ты выбрала второй вариант, — сказал он, отходя к столу с медицинскими инструментами. В голосе его звучало удовлетворение. Он провёл пальцем по стальным лоткам, выбирая нужное: пинцеты, зажимы, пробирки, шприцы.

— Сейчас будет немного... — начал он, взяв шприц с тонкой, почти невидимой иглой. Он покрутил его между пальцами с ловкостью фокусника, проверяя, нет ли пузырьков. Игла блеснула в свете магических ламп, и Фиби инстинктивно отползла назад, пока не упёрлась спиной в ножку стола.

— Ты у меня уже брал кровь, придурок! — выкрикнула она, медленно поднимаясь с пола. Она потирала ушибленное запястье, и её взгляд пылал ненавистью — такой чистой, первобытной, что даже Мефисто на мгновение замер. — Чего тебе ещё надо?

Он снова обиженно выдохнул, поворачиваясь к ней всем корпусом, но его глаза — один нормальный, другой с чёрным белком — продолжали светиться холодным любопытством. Словно она была не врагом, а особенно занятым экземпляром в его коллекции.

— Фиби, ты же умная девочка, — сказал он, делая шаг вперёд. Потом ещё один. — Неужели непонятно? Такая кровь, как твоя — нулевой резус в этом мире — это не просто редкость. Это ключ. Топливо. Валюта. Я беру твою кровь, чтобы другие не взяли тебя целиком. Логично?

Он приблизился почти вплотную, но не коснулся. Запах от него шёл странный — стерильный, с примесью дыма и ещё чего-то сладковатого, тошнотворного. Фиби инстинктивно отшатнулась — и спина её упёрлась в край операционного стола. Ловушка захлопнулась.

— Не подходи, — прошептала она, а потом громче, срываясь на крик: — Я сказала — не подходи!

Мефисто остановился в сантиметре от неё. Она чувствовала его дыхание — холодное, как сквозняк из морга. Он наклонил голову набок, как собака, прислушивающаяся к незнакомому звуку, и его щупальца снова вырвались из-под халата — мягко, но жестко фиксируя её за плечи. Она дёр-

нулась, но хватка была мёртвой.

— Ай-ай-ай, какие громкие слова для той, кто даже окно открыть не может, — прошептал он, и в этом шёпоте не было злобы. Было удовольствие. Чистое, хищное удовольствие от процесса. Он провёл кончиком шприца по её предплечью, слегка надавливая, оставляя белую полосу на коже. — Ты уже моя, дорогая. С того самого момента, как твой нулевой резус запахло в этом городе.

Фиби дёрнулась снова, но щупальца только крепче сжались — до хруста в суставах, до звёздочек перед глазами. — Отпусти, тварь! — выкрикнула она, не в силах сдерживать слёзы ярости. — Я не игрушка! Я не расходный материал! Я...

Мефисто тихо рассмеялся — коротко, горько, почти по-человечески. — О, нет, ты гораздо лучше, — сказал он, вкалывая иглу аккуратно, почти ласково, в вену на сгибе её локтя. Фиби вздрогнула, но не закричала — только закусила губу до крови. — Игрушки ломаются. А ты — расходный материал с характером. Такие живут дольше. Иногда.

Он начал набирать кровь в шприц, медленно, наблюдая, как тёмная, почти чёрная жидкость заполняет прозрачный цилиндр. Она сворачивалась тут же, превращаясь в желеоб-

разные сгустки, и Мефисто смотрел на это с неподдельным восхищением.

— Видишь, как быстро сворачивается? — спросил он, будто она была его ассистентом на лекции. — Даже не верится, что такая вкусная девочка до сих пор жива. Твоя кровь — это наркотик для низших демонов. Ты — ходячая конфета, Фиби. В прямом смысле.

— Когда я выберусь... — прошипела она сквозь стиснутые зубы. Дыхание сбилось, на лбу выступила испарина. — Я тебя...

— Что? — перебил Мефисто, вытаскивая иглу и зажимая ранку ваткой, пропитанной чем-то жгучим. Щупальца не отпускали, но давление чуть ослабло — видимо, он решил, что угроза миновала. — Убьёшь? Сожжёшь? — Он отставил шприц в сторону, на стерильный лоток, и медленно, демонстративно провёл пальцем по её нижней губе. — Для начала тебе нужно чем-то питаться. Например, своими зубками.

Не успела она осознать угрозу, как его большие пальцы раздвинули ей губы — грубо, без церемоний. Он заглянул в рот, как заглядывают в пасть лошади перед покупкой, и его лицо приняло притворно-озабоченное выражение.

— Так-так... — протянул он, поворачивая её голову из стороны в сторону. — Второй резец слева немного шатается. Клыки острые, но молочные ещё. Бедняжка. — Он вздохнул с притворной грустью, и в этом вздохе было столько фальшивого сочувствия, что Фиби захотелось его ударить. — Тебя даже нормально съесть жалко. Ты даже не дойдёшь до десерта.

Фиби попыталась укунить его палец — резко, со всей силы, но он отдёрнул руку за секунду до того, как зубы сомкнулись. Рефлексы у него были сверхъестественные. Он засмеялся — коротко, каркаяще, и вытер свои пальцы о воротник её собственной рубашки.

— Иди к чёрту! — выплюнула она, когда щупальца наконец исчезли и она осела на пол, обессиленная и дрожащая.

Мефисто уже стоял у стола, помешивая колбу с её кровью стеклянной палочкой. Он не обернулся, когда ответил:

— Уже был. Скучно. — Пауза. Он поднёс колбу к свету, полюбовался игрой сгустков. — А с тобой хотя бы весело. — Затем поставил колбу на место, взял планшет и начал что-то пометать, не глядя на неё. — Приходи завтра. Натощак. И почисти зубы перед визитом — не позорь меня перед колле-

гами. Дверь, кстати, справа. Если сможешь её найти.

Глава Шестая. Фиби.

В лаборатории было темно и тихо. Фиби лежала на холодном металлическом столе, прикрытая тонкой простыней, которую кто-то (вероятно, сам Мефисто) накинул на неё почти заботливо. Голова гудела, во рту был привкус железа, а на месте укола на сгибе локтя алела маленькая точка, окружённая синяком.

Она медленно села, оглядываясь.

Лаборатория выглядела как помесь операционной и алхимической мастерской: стеклянные колбы с мутными жидкостями, хирургические инструменты, разложенные в идеальном порядке, старые книги в кожаных переплётах, стопки исписанных тонким почерком листов. Воздух пах озоном, сушёными травами и чем-то сладковато-гнилостным — тем самым запахом, который уже начинал ассоциироваться у неё с Мефисто.

И никого.

Фиби спустила ноги со стола. Пол был каменным, холодным, но не таким ледяным, как в коридоре — видимо, здесь работала какая-то магическая система отопления. Она сде-

лала несколько шагов к двери, ожидая, что её схватят, что из темноты вынырнут щупальца, что раздастся его насмешливый голос.

Тишина.

Только где-то далеко, за толстыми стенами, мерно гудело что-то большое — возможно, механизмы, возможно, само это место дышало.

Он ушёл.

Или сделал вид, что ушёл.

Или проверяет её.

Но выбора не было.

Фиби толкнула дверь — старые деревянные двухстворчатые створки, окованные почерневшей бронзой, поддались с протяжным скрипом. Коридор за ними тонул в полумраке. Сводчатый потолок терялся где-то в вышине, стены были сложены из грубого тёмного камня, а факелы в железных кронштейнах горели каким-то странным зелёным пламенем — без дыма, без тепла, словно само пламя было муляжом, миражом.

Бежать.

Она побежала. Босиком, в той же одежде, в какой её сюда притащили — лёгкие джинсы, тонкая футболка, носки, которые уже промокли от холодного камня. Коридор петлял, иногда раздваивался, иногда нырял под низкие арки, и Фиби просто выбирала первый попавшийся поворот, не думая, куда он ведёт.

Лишь бы подальше от лаборатории.

Лишь бы подальше от него.

Коридор внезапно расширился, превратившись в галерею. Слева и справа через равные промежутки простирались высокие арочные окна, залитые холодным, неживым светом. Фиби, задыхаясь, остановилась, уперевшись руками в колени. Сердце колотилось где-то в горле.

— Выдохни, — прошептала она себе. — Просто выдохни.

Она выпрямилась и пошла медленнее, разглядывая окна. Ни рам, ни стёкол, скорее — толстые прозрачные пластины, впаянные в камень. За ними — пустота.

Она подошла к первому окну, прислонилась лбом к холодной поверхности, пытаясь разглядеть хоть что-то. Где-то далеко внизу — далеко-далеко, настолько, что захватывало

дух, — что-то мерцало. Огни. Тысячи крошечных огоньков, как звёзды, упавшие на землю. Город. Под ней был город.

Но не её город.

Не тот, который она знала.

— Где я, чёрт возьми... — прошептала Фиби, и голос её дрогнул.

Она пошла дальше. Второе окно, третье, четвёртое — везде одна и та же картина: бездна, в которой на огромной глубине копошится чужой мир. Пятое окно. Шестое.

А в конце галереи — тупик.

Гладкая каменная стена без дверей, без окон, без намёка на проход. Фиби подошла к ней, провела руками по швам кладки, надеясь найти потайной рычаг, кнопку, хоть что-то. Ничего.

Она развернулась.

Вход в лабораторию остался где-то далеко позади, за несколькими поворотами. А здесь — только окна. Шесть арочных исполинов, за которыми — бездна.

Выхода нет.

Фиби медленно опустилась на колени посреди галереи, обхватив себя руками. Страх накатил волной — горячей, липкой, парализующей. Она вдруг поняла, что дрожит не от холода. Зубы выбивали дробь, по щекам текли слёзы, которых она не замечала.

— Нет, нет, нет...

Она заставила себя встать. Слёзы — это роскошь, которую она не могла себе позволить. Не здесь. Не сейчас.

Окна.

Да, окна. Может быть, одно из них открывается. В конце концов, это не тюрьма — здесь явно кто-то живёт, здесь есть воздух, а значит, должна быть вентиляция. Должен быть выход.

Она подбежала к ближайшему окну, вскочила на широкий каменный подоконник, принялась шарить руками по краям прозрачной панели. Ни ручки. Ни щели. Ни замка. Стекло — если это было стекло — казалось монолитным, впаянным в камень намертво.

Тогда — сломать? Разбить?

Фиби огляделась в поисках чего-нибудь тяжёлого. Ничего. Только стены, только пол, только пустота за окном.

Стучать? Кричать?

Бесполезно. Бездна не ответит.

Она перебралась к следующему окну. То же самое. К третьему. Четвёртому.

С каждым разом отчаяние нарастало. Она уже не шла — она бежала от окна к окну, как зверёк в колесе, как та самая мышка, которую когда-то Мефисто называл её прототипом. Пятое окно. Шестое. Тупик.

Она развернулась и побежала обратно. Шестое. Пятое. Четвёртое.

Коридор — вход в лабораторию — тупик. Коридор — вход в лабораторию — тупик.

— НЕТ! — крик вырвался из груди сам собой, и эхо металось по галерее, повторяя: «Нет... нет... нет...»

Фиби забралась на подоконник шестого окна, того, что ближе всего к тупику, вцепилась пальцами в невидимый край, встала на цыпочки, пытаясь разглядеть что-то наверху. Может быть, люк? Может быть, там, под сводами, есть проход? Но потолок уходил вверх, и даже зелёный свет факелов не добивал до него.

Она опустила взгляд в окно.

И замерла.

Внизу, прямо под её ногами, была не земля. Не было ни улиц, ни крыш, ни даже той далёкой россыпи огней, которую она видела раньше. Прямо внизу — насколько хватало глаз, до самого горизонта, перевёрнутого и чужого, — простиралась пустота. Чёрная, бесконечная, живая. Она дышала. Она смотрела. Она ждала.

Бездна.

Фиби вскрикнула — коротко, по-звериному, от страха, который невозможно перебороть, — и отшатнулась от окна, теряя равновесие. Она поскользнулась на гладком камне, взмахнула руками, на секунду представив, как летит вниз, в эту чёрную пасть...

И в тот же миг её талия, запястья и лодыжки оказались стянуты чем-то тёплым, влажным, неумолимым.

Щупальца.

Она даже не услышала, как он подошёл. Не уловила шагов, не почувствовала его присутствия — только этот внезапный захват, мягкий и в то же время стальной. Её дёрнули назад, с подоконника, и потащили по воздуху — быстро, бесцеремонно, не обращая внимания на её отчаянное сопротивление.

— ПУСТИ! ОТПУСТИ МЕНЯ, СВОЛОЧЬ!

Она билась в хватке щупалец, царапала их, пыталась уку-
сать — но они были упругими, жилистыми, словно покры-
тыми очень тонкой, но невероятно прочной кожей. В ответ
на её попытки они только сжимались чуть сильнее, не боль-
но, но так, чтобы любое движение требовало усилий.

Коридор промелькнул перед глазами. Поворот. Ещё пово-
рот. И вот она снова в лаборатории — знакомая обстанов-
ка, странные приборы, стеллажи с книгами, и посреди всего
этого — Мефисто.

Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на неё с таким видом, будто ждал, когда ребёнок наиграется и вернётся домой. Щупальца опустили Фиби на пол — небрежно, как вещь, но не бросили. Одно осталось обвитым вокруг её талии, второе — вокруг щиколоток.

— Ну и зачем ты это сделала? — спросил он спокойно, почти буднично. — Только разбудила весь дом. И себя разволновала. И меня — представляешь? — тоже.

Фиби стояла на подкашивающихся ногах, глядя на него снизу вверх. Губы её дрожали, но она сжала их в нитку, чтобы не разреветься при нём. Не доставит ему такого удовольствия.

— Что... — голос сорвался. Она прокашлялась, сглотнула горькую слюну. — Что здесь происходит? ГДЕ МЫ? ГДЕ Я?

Мефисто выдержал паузу. Его тёмные глаза скользнули по её лицу — по осунувшимся щекам, по красным векам, по дрожащим пальцам, сжатым в кулаки. Что-то в его взгляде неуловимо изменилось. Не смягчилось — это слово не подходило такому, как он, — но стало... внимательнее. Как у врача, который наконец услышал настоящий симптом.

— Хороший вопрос, — сказал он после долгого молча-

ния. — Если бы ты задала его раньше — часов пять назад, не вскакивая с моего стола, как ошпаренная, и не устраивая мне забег по крылу, — мы бы сэкономили кучу времени. И нервов. В основном моих.

Он развернулся и пошёл к столу с инструментами, щупальца потянули Фиби за ним — не спрашивая её согласия. Она споткнулась о собственную ногу, но не упала: хватка удержала.

— Садись, — Мефисто указал на стул — нормальный стул, деревянный, с высокой спинкой, стоящий у одного из стеллажей. — И перестань трястись. Я не кусаюсь. Ну, почти.

— Я не сяду, пока ты мне не объяснишь, — выдавила Фиби, хотя щупальца уже мягко, но настойчиво подталкивали её к стулу.

— Сядешь, — поправил он её с лёгкой улыбкой, от которой становилось не по себе. — Потому что стоять ты сейчас не можешь — ноги не держат. Потому что у тебя начинается истерика, которую я, к твоему сведению, терпеть не могу. И потому что... — он наклонился к ней, заглядывая в глаза с расстояния вытянутой руки, — ...тебе правда страшно. И я это вижу. А когда человеку страшно, он или дерётся, или слушает. Ты уже пробовала драться. Не помогло. Попробуй

послушать.

Щупальца убрались.

Фиби постояла секунду, покачиваясь, а потом медленно опустилась на стул — потому что он был прав. Ноги действительно не держали. Ладони дрожали, дыхание всё ещё было рваным, и перед глазами время от времени плыли тёмные круги.

Она подняла на него взгляд — усталый, злой, испуганный, но уже не такой дикий.

— Объясняй, — сказала она тихо. — И без своих игр. Просто. Прямо. Что это за место? Кто ты такой на самом деле? И почему я здесь?

Мефисто выпрямился, опёрся бедром о край стола и скрестил руки на груди. Его лицо на мгновение стало серьёзным — по-настоящему, без той наигранной обиженности и притворного дружелюбия, которыми он прикрывался раньше.

— Что ж, — начал он. — Пристегнись, Фиби. Разговор будет долгий. И неприятный. По крайней мере — для тебя.

Он щёлкнул пальцами, и зелёное пламя в лабораторных

светильниках вспыхнуло ярче, разгоняя тени по углам.

— Во-первых, это не твой мир. Ты это уже поняла, я думаю. Во-вторых, это даже не параллельная реальность в том смысле, который вкладывают в это слово земляне. Это... — он запнулся, подбирая слово, — ...свалка. Место, куда падает то, что не нужно ни одному из миров. Осколки. Обломки. Забытые вещи. И иногда — забытые люди.

Фиби вцепилась в подлокотники стула, побелевшими костяшками.

— Свалка?

— Ну да. Только с претензией на величие. — Мефисто махнул рукой в сторону двери, за которой была галерея с окнами в бездну. — Видела огни внизу? Это Нефелион. Город, который стоит прямо над пропастью. Буквально — над ней. Его нижние уровни уходят глубоко вниз, так глубоко, что никто не знает, есть ли у них дно. А верхние — вот они, эти окна. Мы с тобой сейчас в так называемой Цитадели. Главной башне. Личной резиденции Нергала, нашего всемилостивейшего повелителя, по совместительству — самого опасного существа в этом измерении.

Он произнёс это так, будто рассказывал о погоде: «сегодня

дождь, завтра солнце, самый опасный повелитель».

— Нергал? — переспросила Фиби. — Кто он?

Мефисто улыбнулся — одной стороной рта, криво и почти грустно.

— Тот, кому я служу. Тот, кто держит в кулаке этот город, его жителей, его законы. И тот, кто — если узнает о тебе, — не станет церемониться. Нулевой резус-фактор, помнишь? Для нас это не просто медицинский курьёз. Это... как бы тебе объяснить... Ты — кусок хлеба, который упал маслом вниз, в комнате, полной голодных собак. Только собаки здесь — не собаки, а твари из глубин. И Нергал — их пастух.

Фиби передёрнуло.

— Зачем я ему? Если он такой могущественный... на кой чёрт ему какой-то человек с нулевым резусом?

— Ах, — Мефисто приложил руку к груди, изображая сердечную боль, — как больно слышать «на кой чёрт». Ты даже не представляешь свою ценность, Фиби. Нулевой резус — это чистый лист. Это сосуд, который можно заполнить чем угодно. Энергией, силой, проклятием — чем угодно. Обычные люди — они как грязные стаканы, в них уже

что-то было. А ты — стерильная пробирка. И Нергал коллекционирует такие пробирки. Для своих экспериментов.

Он сделал шаг к ней, наклонился, опираясь руками на подлокотники стула, нависая над Фиби, как потолок, который вот-вот рухнет.

— Но ты спросила не только «где мы», но и «что здесь происходит». А это уже интереснее. Здесь происходит, Фиби, конец. По крайней мере — конец того, что называют старым порядком. Нергал готовит что-то большое. Я не знаю — что именно. Он не посвящает меня во все детали. А я, в свою очередь, — он чуть отстранился, в его глазах мелькнуло что-то живое, почти человеческое, — не хочу, чтобы ты стала частью этого «большого».

— С каких это пор ты заботаешься о людях? — прошептала Фиби, глядя ему прямо в глаза. Страх никуда не делся, но к нему примешалось что-то ещё — недоверие, да, но и странное, неуместное любопытство.

— О людях? — Мефисто выпрямился и рассмеялся — тихо, безрадостно. — Никогда. Я забочусь о равновесии. А ты — гирька на чаше весов. И моя задача — сделать так, чтобы чаша не перевернулась. Пока что.

Он отошёл к столу, взял со стола какой-то амулет — маленький, тускло мерцающий камень в оплёте из чёрного серебра — и сжал его в кулаке.

— Тебе нельзя отсюда выходить, — сказал он уже другим голосом — усталым, почти без интонаций. — Не потому, что я злой. А потому, что за дверями этой лаборатории — даже не бездна за окнами. Там хуже. Там Нергал, его приспешники, его законы, его охота. Ты продержишься там... — он прикинул что-то в уме, — ...минут десять. Пятнадцать, если будешь очень аккуратно бегать. А потом тебя поймают. И ты станешь либо едой, либо... ингредиентом. Я предпочитаю первое. Второе — слишком долго и больно.

Фиби молчала. Слезы высохли на щеках, оставив после себя солёную корку. Вместо ужаса в груди разрасталась тяжёлая, холодная пустота — понимание того, что выхода нет. Реально нет. Не потому, что он врёт или манипулирует. А потому, что так и есть.

— И что теперь? — спросила она чужим голосом. — Я буду твоей пленницей? Сидеть здесь до конца своей... до конца?

— Пленницей, — повторил Мефисто, как будто пробуя слово на вкус. — Не нравится мне это слово. Скажем так —

гостьей. С принудительным проживанием. Но — и это важно, Фиби, слушай внимательно — не безнадёжной гостьей. У меня есть план. Не спрашивай какой — пока не время. Но он есть. И для этого плана ты нужна живой, целой и вменяемой. Поэтому — никаких побегов. Никаких прогулок по галерее. И уж тем более — никаких попыток разбить окна в бездну. Поняла?

Он подошёл к ней и протянул руку — ладонью вверх. Жест, который можно было истолковать как помощь, как примирение, как ловушку — всё сразу.

Фиби посмотрела на его руку, потом ему в лицо. Долго. Так долго, что Мефисто, кажется, начал терять терпение — его пальцы чуть дрогнули.

— А если я откажусь? — спросила она. — Что тогда? Ты меня убьёшь? Скормишь своей бездне?

Мефисто улыбнулся. На этот раз улыбка получилась настоящей — кривой, странной, с налётом какой-то болезненной искренности.

— Нет, — сказал он просто. — Тогда я оставляю тебя здесь одну. До того момента, как ты сама попросишь меня о помощи. А ты попросишь, Фиби. Потому что тишина в этом

месте... она говорит. И то, что она говорит, похуже любых щупалец.

Он убрал руку.

— Выбор за тобой. Но не затягивай. У нас мало времени.

Фиби медленно выдохнула. Потом — ещё раз. Страх никуда не делся, он сидел где-то в основании позвоночника, сжатый в тугий комок. Но к нему добавилось другое чувство — холодная, почти математическая ясность.

Он что-то не договаривает. У него свой интерес. Но прямо сейчас — это единственная соломинка, за которую можно ухватиться.

Она не протянула ему руку. Вместо этого она поднялась со стула — медленно, неуверенно, но сама — и спросила:

— А зубки мои смотреть будешь?

Мефисто моргнул. Потом моргнул снова. И вдруг — рассмеялся. По-настоящему, в голос, так, что эхо заметалось по лаборатории, заставив зелёные огни заплесать в такт.

— О, — сказал он, вытирая выступившую слезу. — О,

Фиби. Ты мне нравишься. Правда нравишься. Выживальщики всегда нравятся — с ними веселее.

Он щёлкнул пальцами, и на столе материализовался новый шприц — такой же тонкий, как в прошлый раз.

— А зубки — да. Обязательно. Но не сегодня. Сегодня я просто возьму ещё немного крови — для анализа. И задам тебе несколько вопросов. О твоём мире, о людях, которые тебя окружали, о том, не было ли в твоей семье... — он замялся, — ...необычных случаев. Контрактов. Сделок. Необъяснимых исчезновений.

— Считаешь, я здесь не случайно? — Фиби приблизилась к столу сама, без принуждения. Тело всё ещё дрожало, но она заставляла себя двигаться. Показывать, что не сломлена.

— Я никогда, — Мефисто взял её за руку, перевернул ладонью вверх и провёл пальцем по голубой ниточке вены на запястье, — никогда и ни во что не верю случайно. Случайность — это слово для ленивых. А я, Фиби, очень неленивый демон.

Он вколол иглу — мягко, почти не больно. Кровь потекла в шприц тёмной, густой струёй.

Фиби смотрела, не отворачиваясь.

— Расскажи мне о бездне, — сказала она тихо. — Что там, за окнами? Почему она... смотрит?

Мефисто замер на секунду. Потом вытащил иглу, прижал к уколу чистую салфетку и заставил Фиби согнуть руку в локте.

— Хороший вопрос, — сказал он, пряча шприц в специальный футляр. — Очень хороший. Ответ на него — долгий. И он не понравится тебе ещё больше, чем всё, что ты уже слышала.

Он сел напротив неё — на край стола, свесив ноги, и сложил руки на коленях. Со стороны он выглядел почти уютным. Почти.

— Бездна, Фиби, — начал он, — это не просто дыра в пространстве. Это — место, где законы реальности перестают работать. Время там течёт иначе, или не течёт вовсе. Пространство сворачивается в узлы. То, что мы видим как «огоньки» внизу — это не город в привычном смысле. Это — отражения. Сны. Кошмары. И иногда — воспоминания мёртвых миров. Нефелион построили над бездной не потому, что это было удобно. А потому, что бездна — един-

ственное, что держит этот кусок реальности на плаву. Она — якорь. И она же — могила.

— И Нергал... — начала было Фиби.

— Нергал, — перебил Мефисто, — заключил с ней сделку. Тысячу лет назад. Он дал ей что-то, а она дала ему власть над этим городом. Что именно он дал — не знает никто. Кроме, может быть, них двоих. Но цена, — он посмотрел на неё в упор, — была высока. И он продолжает платить. Каждый день. Каждым жителем Нефелиона. Каждым, у кого нулевой резус.

Он встал, взял со стола какую-то колбу с мутной жидкостью и размешал в ней содержимое шприца. Жидкость вспенилась, изменила цвет на ярко-алый, потом снова потускнела.

— Твоя кровь, — сказал Мефисто задумчиво, — очень странная. В ней есть что-то... чужое. Не из этого мира. Даже не из соседнего. Я таких образцов не видел никогда. И я видел много.

Фиби похолодела.

— Что ты хочешь сказать? Что я не человек?

— Нет, ты человек, — поправил он. — Но в тебе есть при-
месь. Не генетическая — магическая. Кто-то когда-то кос-
нулся твоей родословной. Оставил след. Возможно — спе-
циально. Возможно, именно поэтому тебя выкинуло в этот
мир. Ты была... призвана. Сама того не зная.

В лаборатории повисла тишина. Такая плотная, что мож-
но было резать ножом.

Фиби смотрела на свои руки — обычные, человеческие
руки, с тонкими пальцами и коротко стриженными ногтями.
Руки, которые никогда не держали оружия, не творили ма-
гию, не убивали. Руки простой девушки из простого мира.

— Кто? — спросила она одними губами. — Кто коснулся
моей семьи?

Мефисто покачал головой.

— Этого я пока не знаю. Но узнаю. Обещаю. — Он усмех-
нулся, и усмешка вышла почти нежной. — Ведь я, Фиби,
очень любопытный демон. А ты — самая интересная загадка
за последние сто лет. Не думай, что я отпущу тебя просто
так. Или позволю кому-то другому тебя забрать.

Он протянул ей руку снова. На этот раз — иначе. Не как господин, требующий подчинения, а как... партнёр, предлагающий сделку.

— Что скажешь? Поработаем вместе? Я выясню, кто ты и откуда. А ты — посидишь тихо и не будешь лезть в окна. Идёт?

Фиби смотрела на его ладонь. Белая кожа, длинные пальцы, на одном из которых — простое серебряное кольцо без камня. Ладонь, которая минуту назад держала шприц с её кровью. Ладонь, из-под которой вылезали щупальца, хватавшие её за талию, как кошки — мышь.

Сволочь. Манипулятор. Тварь.

Но — единственный, кто пока не пытался её убить.

Она медленно, очень медленно, положила свою ладонь в его.

— Идёт, — сказала она, глядя ему в глаза. — Но я не доверяю тебе, Мефисто. Совсем.

Он сжал её руку — осторожно, почти дружески.

— Было бы странно, если бы доверяла, — ответил он. — Доверие — это привилегия, которую нужно заслужить. А я ещё не начинал стараться.

Он отпустил её руку, щёлкнул пальцами — и в воздухе материализовалась чашка с горячим чаем. Обычный чай, с мятой, от которого пахло домом и уютом.

— Пей, — сказал он, вручая ей чашку. — Завтра будем учить тебя не падать в обморок при виде моих щупалец. А послезавтра — я покажу тебе библиотеку. Там, по крайней мере, нет окон в бездну.

Фиби взяла чашку. Пальцы всё ещё дрожали, но чай был горячим, и тепло разливалось по груди, отодвигая холод страха хотя бы на шаг.

— А зубки? — спросила она, отпивая глоток. — Ты обещал зубки посмотреть.

Мефисто улыбнулся — и в этой улыбке, среди всей его демоничности и манипулятивности, вдруг мелькнуло что-то почти по-человечески тёплое.

— Завтра, — пообещал он. — И захвати с собой терпение. У тебя, кажется, шатается второй резец. А я не люблю

работать с неподготовленными пациентами.

Он отошёл к своему столу, развернул к себе какой-то толстый фолиант и погрузился в чтение, оставив Фиби одну — с чашкой чая и тысячью вопросов, на которые пока не было ответов.

За окнами лаборатории, за толстыми стенами Цитадели, где-то далеко внизу, шевелилась бездна. Она ждала. Она всегда ждала.

Но в этот вечер — Фиби осталась жива. И это уже было победой.

Глава Седьмая. Фиби.

Она не помнила, как уснула.

Последнее, что осталось в памяти — тёплая чашка мятного чая, тяжёлый взгляд Мефисто из-за фолианта, и гулкое, убаюкивающее чувство опустошения после того, как выплакала все слёзы. Дальше — провал. Тёмный, глубокий, без сновидений.

Проснулась Фиби от того, что кто-то очень настойчиво стучал в висках. И нет — это была не головная боль. Это был звук. Равномерный, влажный, ритмичный. Тук. Тук-тук.

Тук.

Она села на кровати, моргая спросонья.

Кровать была настоящей — деревянной, с высоким резным изголовьем, застеленная тёмно-синим покрывалом. Комната, в которой она оказалась, не имела ничего общего с холодной лабораторией. Потолок здесь был ниже, стены обшиты тёплым деревом, а вместо зелёных факелов горел нормальный свет — мягкий, желтоватый, исходящий откуда-то из-за потолочных балок.

Где я?

Фиби откинула покрывало и посмотрела на себя.

Это были не её вещи.

На ней оказались широкие серые брюки из плотной, приятной на ощупь ткани, простая белая рубашка с длинными рукавами, и — она спустила ноги с кровати — на полу стояли чёрные берцы, зашнурованные, но не затянутые до конца. Размер подходил идеально. Будто кто-то снял с неё мерки, пока она спала.

Будто Мефисто.

Она вздрогнула от этой мысли, натянула берцы — шнурки оставила болтаться, потому что пальцы тряслись слишком сильно, чтобы завязывать узлы — и встала.

Комната была небольшой, но не тесной. Письменный стол у стены, пустой, если не считать одинокой чернильницы без пера. Закрытый шкаф, тоже пустой — она проверила. И одна дверь.

Фиби подошла к двери, прислушалась.

Тот звук. Тук. Тук-тук. Тук. Влажный, хлюпающий, с низким, резонирующим оттенком, будто кто-то работал с чем-то очень... мясистым.

Она толкнула дверь.

Та открылась без скрипа — хорошо смазанные петли — и выпустила её в знакомый сводчатый коридор со зловещими зелёными факелами. Только сейчас она поняла, что её комната примыкала прямо к лаборатории. Не через основной вход, не через ту самую двухстворчатую дверь, с которой она сбегала прошлой ночью. А через боковую, почти незаметную дверцу, замаскированную под панель.

Лаборатория перед ней распахнулась во всём своём жутком великолепии.

Но что-то изменилось.

Стол, где вчера Мефисто смешивал её кровь с реактивами, был отодвинут к стене. Вместо него по центру комнаты стоял другой стол — тяжёлый, металлический, с бортиками по краям. И на этом столе лежало оно.

Фиби замерла на пороге, не в силах сделать ни шагу дальше.

На столе лежал демон.

Она никогда раньше не видела демонов — по крайней мере, не видела их так, чтобы знать наверняка. Но то, что это был именно демон, сомнений не оставалось. Слишком большое. Слишком неправильное. Кожа — вернее, то, что от неё осталось — имела цвет старой бронзы, с прожилками тёмно-синего, похожими на вены, только вздутые, неестественные. Суставы вывернуты не в ту сторону — локти назад, колени вбок, словно его конечности собирали в спешке, перепутав все чертежи. Голова... у головы не было лица. Вообще. Только гладкий овал, увенчанный тремя рогами — одним прямым, как кинжал, и двумя загнутыми вперёд, как у быка.

И запах.

Господи, какой же там был запах.

Кровь демона пахла не железом, а чем-то химическим, острым, режущим слизистую — как смесь ацетона, аммиака и тухлой рыбы. Этот запах ударил в нос, когда Фиби сделала шаг в лабораторию, и она мгновенно пожалела, что не осталась в своей комнате.

А в центре этого кошмара стоял Мефисто.

Он был без халата — только чёрная рубашка с закатанными до локтей рукавами, брюки и тот самый фартук, который вчера она не заметила. Фартук из толстой, проклёпанной кожи, весь в тёмных пятнах. В правой руке он держал инструмент, похожий на гибрид ножа и пилы — длинное лезвие с мелкими зубцами, слегка изогнутое на конце. В левой — то, что недавно было правой рукой демона. Мефисто отрезал от неё кусок за куском, аккуратно, как хирург, и складывал ампутированные части в таз, стоящий у ножки стола.

Тук. Тук-тук.

Это звук кости, отсекаемой от сустава.

Фиби почувствовала, как желудок сделал сальто. А потом — ещё одно. Тёплая, кислая волна подкатила к горлу, и она зажала рот обеими руками, но было поздно.

Мефисто поднял голову.

Их взгляды встретились.

Его глаза — всё такие же тёмные, спокойные, влажные — смотрели на неё без удивления, без смущения, без намёка на то, что он делает что-то необычное. В его взгляде читалось только одно: «А, ты проснулась. Давно пора».

— Не смотри, — сказал он буднично. — Отвернись.

Но Фиби не могла отвернуться. Её парализовало. Запах, звук, вид — всё это навалилось одновременно, и где-то на задворках сознания мелькнула дурацкая, неуместная мысль: «Он же вчера брал у меня кровь этими руками. Теперь понятно, почему от него так пахло».

— Фиби, — голос Мефисто стал чуть твёрже. — Я сказал — отвернись.

Она попыталась. Правда попыталась. Но вместо того, чтобы отвернуться, она сделала шаг назад — и споткнулась о собственные ноги, потому что берцы были не зашнурованы, и шнурок предательски обвился вокруг щиколотки.

Её повело в сторону. Рука инстинктивно метнулась к косяку, но промахнулась. Ладонь скользнула по гладкому дереву, и Фиби рухнула на пол — сначала на колени, потом на четвереньки. Её вырвало — прямо на каменный пол лаборатории, на чистый, выскобленный до блеска пол, который мгновенно окрасился жёлто-зелёным.

— Ну вот, — раздался голос Мефисто откуда-то сверху. В нём не было злости. Была усталая, почти родительская досада. — А я только вчера мыл.

Зрение поплыло. Края комнаты начали закругляться, словно она смотрела на мир сквозь замочную скважину. Пятна. Тёмные, пульсирующие пятна перед глазами. Звук собственного дыхания — слишком громкий, слишком частый.

— Я... — прошептала она, но договорить не успела.

Сознание схлопнулось, как мыльный пузырь.

Она не слышала, как Мефисто выругался — тихо, но с чувством, на неизвестном языке, где каждый звук звучал как проклятие. Не чувствовала, как щупальца подхватили её тело, не дав удариться головой о каменный пол. Не видела, как он отнёс её обратно в комнату — бережно, почти нежно для существа, которое минуту назад расчленило демона — и уложил на кровать.

Она ничего этого не помнила.

Потому что мир вокруг неё исчез, растворился в липкой, тягучей темноте, из которой не было ни звуков, ни запахов, ни ужаса. Было только пусто.

И тишина.

Та самая тишина, о которой он говорил вчера.

И она действительно говорила.

Спустя какое-то время.

Тьма была первой, что она ощутила.

Не та темнота, когда просто закрыты глаза — с прожилками, с бликами, с сомнением. Абсолютная, непроницаемая,

бархатисто-плотная тьма, которая лежала на лице как чужая ладонь.

Фиби дёрнулась — и сразу поняла, что не может пошевелиться. Не потому, что была связана или парализована. Просто что-то плотно обвивало её запястья, лодыжки, талию. Тёплое, живое, с лёгким пульсом.

Щупальца.

Сердце ухнуло вниз, и она замерла, пытаясь вспомнить, что было до этого. Демон на столе. Запах ацетона и аммиака. Её рвота на чистом полу. А потом — ничего.

— О, очнулась, — голос Мефисто прозвучал откуда-то совсем рядом. Из темноты. С той стороны, куда было обращено её лицо. — А я уж думал, ты решила проспать до следующего пересмотра контрактов. Не выспалась, Фиби? Вставай, завтрак стынет.

Она попыталась отодвинуться — но щупальца только мягко, но неумолимо вернули её на место. Она сидела на чём-то мягком. Кровать? Стул? Она не помнила, чтобы её куда-то переносили.

— Где я? — голос сел, прозвучал хрипло. — Почему я

ничего не вижу? Сними это. СНИМИ СЕЙЧАС ЖЕ!

Последние слова сорвались на визг, и Фиби сама испугалась того, как прозвучал её голос — тонко, панически, по-детски.

Мефисто не ответил сразу. Вместо этого она слышала его шаги — сначала в одном направлении, потом в другом. Звякнула посуда. Что-то зашуршало. Потом шаги вернулись, и кресло — или стул, на котором она сидела, — слегка прогнулось: он сел прямо за её спиной. Так близко, что она чувствовала тепло его тела сквозь тонкую ткань рубашки.

— Не кричи, — сказал он спокойно, почти ласково. — У меня от твоего крика уши вянут. А уши, поверь, в этом теле — штука деликатная.

Она почувствовала, как одно из щупалец скользнуло по её щеке,правляя выбившуюся прядь волос за ухо. Жест, который мог бы быть нежным, если бы не контекст. Если бы она могла видеть.

— Что ты делаешь? — прошептала она, зажмурившись под повязкой — бесполезный рефлекс.

— Кормлю тебя, — ответил Мефисто так, будто это бы-

ло очевидно. — Ты не ела почти сутки, потом тебя вырвало, потом ты рухнула в обморок как викторианская барышня, увидевшая голую лодыжку. Мне нужна живая и здоровая подопытная, а не истощённая мумия с горящими глазами.

— Я не подопытная!

— О, прости. Гостя. С привилегией завтракать в постели.
— В его голосе скользнула усмешка. — Разница огромная.

Она услышала, как он взял что-то — тарелку? миску? — и звякнул ложкой. Запах... что это за запах? Что-то горячее, наваристое, с зеленью. Суп? Похоже на суп. И от этого запаха, вопреки всему, желудок предательски заурчал.

Мефисто рассмеялся — тихо, бархатисто, почти зловеще в этой полной темноте.

— Слышу, — сказал он. — Слышу, Фиби. Твой организм гораздо честнее тебя. Он хочет есть. А ты хочешь истерить. Давай договоримся: ты ешь, а я не рассказываю тебе, что именно я вчера расчленил на столе. Идёт?

— Я не смогу есть вслепую, — выдавила она, и в голосе её вдруг прорезалась настоящая, неподдельная растерянность.
— Я... я не вижу ложку. Я не знаю, где...

— А тебе и не нужно знать, — перебил он. — Открой рот.

— Что?!

— Открой рот, Фиби. Я тебя кормлю. Так проще и быстрее. И не бойся — это не человечина. Я, знаешь ли, разборчив в еде. И в пациентах. Ты вторая категория.

Она сжала губы так сильно, что они побелели. Щупальца чуть сжались на запястьях — не больно, но напоминая, кто здесь контролирует ситуацию.

— Не буду я открывать рот, — прошипела она.

Мефисто вздохнул — тяжело, протяжно, как учитель, которому попался особо упрямый ученик.

— Фиби, — сказал он, и в голосе его вдруг пропала вся насмешка. Осталась только усталая, почти искренняя серьёзность. — Ты сейчас в башне, которая висит над бездной. В мире, где тебя хотят сожрать, потому что у тебя особенная кровь. Единственное существо, которое тебя пока не съело и не отдало на опыты Нергалу — это я. И если я говорю «открой рот» — значит, открой рот. Не потому что я злой. А потому что у меня нет времени уговаривать тебя полчаса.

Поняла?

Она молчала. Губы всё ещё были сжаты, но по щекам текли слёзы — горячие, быстрые, которые она не могла вытереть, потому что руки были стянуты.

— Поняла, — прошептала она наконец. И разжала зубы.

— Умница, — сказал Мефисто, и в голосе его снова появилась улыбка.

Она почувствовала, как ложка — тёплая, керамическая — коснулась её нижней губы. Осторожно. Медленно. Суп действительно был — горячий, золотистый, с кусочками чего-то мягкого, похожего на курицу, и мелко нарезанной зеленью. Вкус был... нормальным. Даже вкусным. После всего, что случилось, этот простой, человеческий вкус показался ей почти нереальным.

Она проглотила. Потом ещё один глоток. И ещё.

Ложка двигалась методично, без спешки. Мефисто кормил её аккуратно — вытирал уголки губ салфеткой, когда она проливала, не торопил, не комментировал. Щупальца больше не сжимались — просто держали, удерживая в неподвижности, как ремни безопасности в кресле стоматолога.

Именно эта ассоциация — стоматолог — заставила Фиби застыть с открытым ртом, когда ложка в очередной раз коснулась её губ.

— Ты же вчера говорил про зубки, — сказала она внезапно. Голос прозвучал глухо, с налётом паники. — Ты же сказал, что будешь их смотреть. Это сейчас? Ты поэтому... повязка? Чтобы я не видела инструменты?

Мефисто поперхнулся.

Буквально. Она услышала, как он поперхнулся, закашлялся, а потом расхохотался — громко, открыто, без того ледяного прищуря, к которому она начала привыкать. Он смеялся так, что кресло под ним тряслось, и это передавалось ей через спинку, заставляя её собственную спину вибрировать.

— О, — выдохнул он сквозь смех, — о, Фиби. Фиби, ты — сокровище. Ты — моё личное, персональное, единственное в своём роде сокровище. Ты лежишь в тёмной комнате, обездвиженная демоном с репутацией безумного врача, с повязкой на глазах, и единственное, чего ты боишься — это стоматологического осмотра?

— Я не боюсь! — выпалила она, но голос дрогнул.

— Боишься, — сказал он, отсмеявшись. — И это прекрасно. Это так... человечно. Так по-детски. — Он провёл пальцем по её щеке, стирая слезу. — Нет, Фиби. Зубы я посмотрю позже. Когда ты перестанешь падать в обморок при виде крови. А пока — просто ешь. И не дёргайся. Ты в безопасности. Насколько это вообще возможно в моей компании.

— Твоя компания — это щупальца, темнота и запах трупов, — буркнула она, но рот для очередной ложки открыла.

Мефисто усмехнулся — она услышала эту усмешку, почувствовала её у самого уха.

— А ты всё замечаешь, — сказал он. — Хорошо. Мне нравятся внимательные пациенты. Они живут дольше.

Он кормил её ещё несколько минут. Молча. Размеренно. Когда тарелка опустела, ложка звякнула о дно, и Мефисто отставил посуду в сторону.

— Молодец, — сказал он. — Всё съела. Даже без уговоров. Я в тебе не разочаровался.

Повязка на глазах ослабла, сползла вниз, и Фиби зажмурилась от внезапного света — того самого мягкого, желтова-

того света, который был в её комнате. Когда глаза привыкли, она увидела, что сидит на своей кровати, прислонённая спиной к его груди. Щупальца всё ещё удерживали её, но не так плотно — скорее для страховки. А сам Мефисто сидел прямо за ней, положив подбородок на её макушку, и ворковал довольно, как сытый кот.

— Видишь, — сказал он, — как всё просто. Не больно. Не страшно. Ты поела. Я спокоен. Нергал пока не в курсе. Хорошее утро, правда?

Фиби медленно выдохнула. Страх всё ещё сидел где-то глубоко, скрученный в узел, но... она была сыта. Жива. И почему-то, вопреки всему, не одна.

— Ты псих, — сказала она тихо.

— О, — Мефисто улыбнулся ей в макушку, и она кожей почувствовала эту улыбку. — Это ты ещё не видела мой табель успеваемости в Академии. Псих — это мягко сказано.

Он щёлкнул пальцами, и щупальца исчезли — растворились в воздухе, оставив после себя только лёгкое ощущение тепла на запястьях.

— А теперь вставай, — сказал он, поднимаясь с кровати.

— У нас много дел. И да, зубки — после обеда. Не дёргайся. Я буду нежен.

Он вышел из комнаты, и Фиби осталась сидеть на кровати, глядя в пустоту и потирая освобождённые запястья. На коже остались чуть заметные красноватые следы — там, где щупальца держали крепче всего.

— Я ненавижу его, — прошептала она в пустоту.

И сама не поняла, почему в голосе не было уверенности.

Обед прошёл в гробовой тишине. Фиби сидела за маленьким столом в своей комнате — теперь уже без повязки, без щупалец, без Мефисто за спиной. На столе стояла тарелка с чем-то, отдалённо напоминающим тушёные овощи и кашу, и стакан мутноватой воды. Еда была безвкусной, но съедобной, и она заставила себя проглотить всё до конца.

Снаружи, за дверью, иногда раздавались шаги. Мефисто ходил по лаборатории, что-то бормотал себе под нос, звякал инструментами. Ни разу не заглянул к ней.

Фиби почти поверила, что он забыл про обещанный осмотр.

Но в тот момент, когда она допила воду и поставила стакан на стол, дверь отворилась.

Мефисто стоял на пороге, прислонившись плечом к косяку, и крутил в пальцах тот самый тонкий инструмент, похожий на зонд. На нём снова был белый халат — чистый, без пятен, застёгнутый на все пуговицы. Волосы зачёсаны назад, глаза блестят тем особенным холодным весельем, которое появляется у хирурга перед интересным случаем.

— Ну что, — сказал он с улыбкой, от которой у Фиби по спине пробежали мурашки. — Наелась? Напилась? Готова к экзекуции?

— Это осмотр зубов, а не пытка, — ответила Фиби, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем она себя чувствовала.

— О, дорогая, — Мефисто шагнул в комнату и закрыл за собой дверь. — В моём исполнении даже осмотр зубов может стать искусством. Искусством причинять дискомфорт.

— Ты обещал, что будешь нежен.

— Я помню. И сдержу слово. — Он остановился перед ней, глядя сверху вниз. — Но я не обещал, что тебе не будет страшно. Страх, Фиби, это нормально. Это защитный меха-

низм. Не пытайся его побороть — просто... прими. Как высокую температуру. Она неприятна, но она часть процесса.

Он протянул руку, и Фиби инстинктивно отшатнулась.

— Сядь на кровать, — сказал он, не меняя тона. — Так удобнее. Иними рубашку.

— ЧТО?!

Глаза Мефисто сузились в щёлочки, и он устало вздохнул — тяжело, протяжно, будто разговаривал с ребёнком, который в сотый раз задаёт один и тот же глупый вопрос.

— Я пошутил, — сказал он после паузы. — Рубашку не снимай. Но на кровать сядь. И перестань на меня так смотреть, будто я тебя съем. Если бы я хотел тебя съесть, я бы не кормил тебя супом. Это невыгодная инвестиция.

Фиби медленно, не сводя с него глаз, перебралась на кровать и села на краешек, подобрав ноги. Берцы она так и не зашнуровала — зато теперь хотя бы не спотыкалась. Мефисто пододвинул к кровати низкий табурет, уселся на него напротив, оказавшись почти на одном уровне с её лицом. Расстояние между ними было смехотворно маленьким — она чувствовала его дыхание на своей щеке.

— Открой рот, — скомандовал он.

— Не в первый раз слышу, — буркнула она, но подчинилась.

Мефисто взял её за подбородок двумя пальцами — не больно, но твёрдо, фиксируя голову — и наклонил чуть вверх, к свету. Свободной рукой он поднёс зонд к её губам, замер на секунду, а потом начал осмотр. Медленно. Методично.

Фиби сидела как каменная. Ей было не больно — инструмент был гладким, холодным, но не острым. Металл скользил по эмали, иногда постукивал, иногда задерживался на одном месте. Мефисто иногда мычал что-то неразборчивое — то ли одобрительно, то ли наоборот. Его дыхание щекотало ей щёку, и это было почти хуже, чем сам осмотр. Слишком интимно. Слишком близко.

— Так-так, — пробормотал он, отодвигаясь ровно настолько, чтобы заглянуть ей в глаза. — Верхняя шестёрка справа — небольшой кариес. Начальный. Не критично. Второй резец слева — шатается, как я и говорил. Молочный? — Он вопросительно поднял бровь. — В твоём возрасте?

— У меня поздняя смена зубов, — прошипела Фиби, насколько это было возможно с открытым ртом.

— Одобряю. Простонародно, но эффективно. — Он заглянул глубже. — Язык не убирай. Мешает.

Фиби издала невнятный возмущённый звук.

Осмотр продолжался. Мефисто работал с какой-то странной, почти медитативной сосредоточенностью, как художник за мольбертом или скульптор за глыбой мрамора. Он не смотрел на неё как на человека — он смотрел на неё как на объект, как на карту, как на головоломку, которую нужно разгадать. И эта отстранённость была одновременно пугающей и... странно успокаивающей. Потому что в этой отстранённости не было жестокости. Была только профессия.

— Поверни голову, — сказал он, легонько надавив на её подбородок. — Так. Замри.

Зонд скользнул по задним зубам, и Фиби вздрогнула — было щекотно. Мефисто хмыкнул, отметив реакцию, но ничего не сказал. Только глаза его блеснули чуть ярче.

Через несколько минут он убрал инструмент, отпустил её подбородок и откинулся на спинку табурета, задумчиво по-

стукивая зондом по ладони.

— Ну что ж, — сказал он. — Поздравляю. Твои зубы — в относительно приличном состоянии для существа, которое две недели питалось, предположительно, лапшой быстрого приготовления и энергетиками. Кариес запломбируем позже. Шатающийся зуб удалим, когда он начнёт мешать. — Он сделал паузу. — Но есть кое-что ещё.

Фиби закрыла рот, облизала пересохшие губы и посмотрела на него с подозрением.

— Что ещё?

Мефисто наклонился вперёд, сократив расстояние до минимума. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от её. Глаза в глаза. Он был серьёзен — насколько вообще был способен на серьёзность.

— Твои клыки, — сказал он тихо. — Верхние. Они не человеческие.

— Что?

— Не пугайся. Я сказал — не человеческие, а не «демонические» или «монструозные». Они просто... заострены

сильнее, чем положено. Не как у вампира, нет. Но как у кого-то, в чьей родословной была... примесь. Несколько поколений назад. — Он провёл пальцем по своей собственной губе, иллюстрируя. — Обычно это не проявляется. Но у тебя — проявилось. И это, Фиби, очень интересно.

Она отшатнулась.

— Ты хочешь сказать, что я не чистокровный человек?

— Я хочу сказать, что твоя бабушка или прабабушка, возможно, имела роман с кем-то, кому полагалось иметь рога и копыта. — Мефисто усмехнулся, но без насмешки — скорее с любопытством. — Это ничего не меняет в твоей сущности. Ты всё ещё человек. Просто человек с... потенциалом.

— Каким потенциалом?

Мефисто встал, убрал зонд в карман халата и потрепал её по макушке — жест, одновременно отеческий и снисходительный.

— Вот это мы и выясним, — сказал он. — Дни у нас длинные. Нергал не торопится. А я — очень терпеливый демон.

Он повернулся и направился к двери, но на пороге оста-

новился.

— И да, Фиби. — Он обернулся через плечо. — Ты молодец. Не плакала. Не кусалась. Даже не обмочилась от страха. Я впечатлён. Завтра продолжим.

— Что продолжим?!

Но Мефисто уже вышел, и дверь за ним закрылась с мягким, почти ласковым щелчком.

Фиби сидела на кровати, глядя на закрытую дверь, и медленно, очень медленно подносила пальцы к своим губам. Провела по верхним клыкам. Они казались нормальными. Обычными. Но язык чувствовал лёгкую, почти незаметную остроту, о которую раньше она никогда не задумывалась.

Примесь.

Она опустила руки и уставилась в пол.

Где ты, мама? Где ты, папа? И кого вы, чёрт возьми, пускали в нашу родословную?

Глава Восьмая. Фиби.

Утро началось с того, что кто-то нежно потрепал её по волосам.

Фиби не сразу поняла, что происходит. Сон был густым, липким, без сновидений — таким, после которого просыпаясь с ощущением, что прошла целая вечность. Чья-то ладонь скользнула по её макушке, мягко, почти по-матерински, и тихий голос произнёс:

— Просыпайся, маленькая. День уже наступил.

Это был не Мефисто. Голос был глубже, спокойнее, с бархатистой хрипотцой, от которой мурашки бежали по спине, но не от страха — от чего-то более древнего, инстинктивно-го, что она не могла объяснить.

Фиби открыла глаза.

На краю её кровати сидел незнакомец.

Она резко села, отшатнувшись к спинке кровати, и замерла, рассматривая его. Длинные прямые тёмно-серые волосы падали на плечи, обрамляя бледное, почти мраморное лицо.

Красные глаза — пронзительные, глубокие, словно в них отражались закаты чужих миров — смотрели на неё без враждебности, скорее с любопытством. Он был красив. Той пугающей, неправильной красотой, которая не принадлежит людям.

— Нергал, — выдохнула она, и это было даже не вопросом — утверждением. Она никогда не видела его раньше, но знала. Чувствовала. Давление его присутствия, как атмосферное перед грозой.

Он слегка склонил голову.

— Она знает моё имя, — сказал он кому-то за её спиной.
— Это хороший знак. Память работает.

Фиби обернулась.

В дверях, прислонившись к косяку, стоял Мефисто. На нём снова был белый халат, волосы растрёпаны, под глазами — тени. Он выглядел так, будто не спал всю ночь, но его тёмные глаза блестели с привычной, чуть безумной искрой.

— Она вообще соображает быстрее, чем кажется, — сказал Мефисто. — Иногда даже слишком быстро. Прячется, дерётся, задаёт вопросы. Я бы сказал — проблемная, но в

хорошем смысле.

— В хорошем смысле проблемная, — повторил Нергал, и в его голосе послышалась лёгкая усмешка. — Я запомню.

Он снова посмотрел на Фиби. Та сидела, прижавшись спиной к стене, и изо всех сил старалась не дрожать. Два демона в одной комнате. Один — безумный врач с щупальцами. Второй — правитель этого мира, тот, кто держал в кулаке весь Нефелион.

Не паникуй. Не паникуй. Ты уже просыпалась в темноте с повязкой на глазах. Это не страшнее.

Но это было страшнее. Намного.

— Не бойся, — сказал Нергал, и его голос вдруг стал почти мягким. Он протянул руку — длинные бледные пальцы, идеальные ногти — и коснулся её щеки. Тыльной стороной. Легко, как касаются лепестка. — Я не причиню тебе вреда. Если, конечно, ты не вынудишь меня.

Фиби сглотнула. Его пальцы были холодными. Не ледяными, нет — просто прохладными, как камень в тени. Но это прикосновение почему-то не оттолкнуло её, а наоборот — немного успокоило. Может быть, потому что он не хватал

её, не сжимал, не демонстрировал силу. Просто... касался. Как человек.

— Зачем вы пришли? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Нергал убрал руку и сложил пальцы замком на колене. Он сидел на краю кровати с такой грацией, будто это был трон, а не дешёвый матрас, набитый чем-то подозрительным.

— Мефисто рассказал мне о тебе, — сказал он. — О нулевом резусе. О зубах. — Он бросил короткий взгляд на Мефисто. — Покажи.

Мефисто отклеился от косяка и подошёл к кровати. В руках у него уже был тот самый зонд и маленькое ручное зеркальце в серебряной оправе.

— Открой рот, Фиби, — сказал он тоном, не терпящим возражений.

Она послушалась — потому что спорить с Мефисто в присутствии Нергала казалось ещё более безумной идеей, чем обычно. Мефисто подсветил каким-то магическим огоньком, поводил зондом, а потом протянул зеркальце Нергалу.

— Верхние клыки, — прокомментировал он. — Заострены сильнее нормы. Нижние — обычные. Молочный резец шатается, но это неважно. А вот это, — он постучал зондом по одному из коренных зубов, — начальный кариес. Но мы его вылечим. Не проблема.

Нергал взял зеркальце, наклонился ближе к Фиби — так близко, что она почувствовала холодок его дыхания — и посмотрел.

Он смотрел долго. Пристально. Так, будто видел не зубы, а нечто большее, спрятанное глубоко внутри неё.

— Нечеловеческие, — сказал он наконец, выпрямляясь. — Едва заметно, но есть. Родословная не чиста. — Он вернул зеркальце Мефисто. — Что с резусом?

— Нулевой, — ответил Мефисто. — Я проверил дважды. И трижды. Она — чистый лист. Абсолютный.

— Хорошо.

Нергал встал с кровати. Длинные волосы скользнули по плечам, и на секунду Фиби показалось, что воздух вокруг него потемнел — или это просто игра света? Он повернулся к ней и посмотрел сверху вниз. Красные глаза горели ровно,

без агрессии, но с такой интенсивностью, что хотелось опустить взгляд. Она не опустила.

— Фиби, — сказал он. — Я сделаю тебе предложение. Не просьбу. Не приказ. Предложение.

Он сделал паузу, давая ей время осознать вес своих следующих слов.

— Ты хочешь вернуться домой. В свой мир. В свою жизнь. Я понимаю это. Я даже уважаю это. Желание вернуться к истокам — одно из самых сильных в любом существе. — Он прошёлся по комнате, и его шаги не издавали ни звука — будто он не касался пола. — Я могу отправить тебя обратно. У меня есть способность открывать порталы. Твой мир, откуда бы ты ни пришла, доступен для меня. Теоретически.

Фиби подалась вперёд.

— Что значит «теоретически»?

— Это значит, — Нергал остановился и посмотрел на неё через плечо, — что я не буду тратить на тебя ресурсы просто так. Энергия, необходимая для поиска твоего мира и открытия в него портала, огромна. Я не благотворительный фонд, Фиби. Я правитель. И я заключаю сделки.

— Какие сделки? — спросила она, хотя уже знала ответ. Такое всегда предполагает выбор между плохим и очень плохим.

— У тебя два пути, — сказал Нергал, поворачиваясь к ней лицом. — Первый. Ты ведёшь себя хорошо. Ты слушаешься Мефисто. Ты не пытаешься сбежать, не лезешь в окна, не истеришь. Ты сотрудничаешь — даёшь кровь, проходишь обследования, отвечаешь на вопросы. И тогда я, когда сочту нужным, отправляю тебя домой. Живую. Здоровую. В целости.

— А второй? — тихо спросила Фиби.

Нергал улыбнулся. Улыбка была холодной, элегантной, как лезвие бритвы.

— Второй — ты ведёшь себя плохо. Ты капризничаешь, дерёшься, пытаешься обмануть. В таком случае я отдаю тебя Мефисто — в полное, безоговорочное распоряжение. И он использует тебя как подопытный материал для своих экспериментов. — Он бросил взгляд на Мефисто, стоящего в углу. — А он, поверь мне, очень... изобретателен. Его прошлые подопытные долго не жили. Но интересно — да.

Мефисто ничего не сказал. Просто улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у Фиби внутри всё переворачивалось.

— Я согласна, — сказала Фиби быстро. Слишком быстро.
— На первый вариант. Я буду... вести себя хорошо.

Нергал не удивился. Он кивнул, как будто другого ответа и не ожидал.

— Разумный выбор, — сказал он. — Мне нравится, когда мои... гости... проявляют благоразумие.

Он вернулся к кровати и сел рядом с ней — так близко, что их плечи почти касались. Фиби замерла, не дыша.

— Но прежде чем мы продолжим, — сказал он, поворачивая голову и глядя ей прямо в глаза, — я хочу кое-что узнать. Расскажи мне о своём мире. О том месте, откуда ты пришла. Города. Люди. Технологии. Есть ли у вас магия? Есть ли демоны? Как вы живёте?

Фиби открыла рот.

И закрыла.

В голове было пусто. Абсолютно, пугающе пусто. Она знала, что должна помнить. Знать название своего города. Своей улицы. Лица матери. Но когда она пыталась ухватиться за эти воспоминания, они рассыпались, как песок сквозь пальцы. Она помнила вкус мятного чая, который дал ей Мефисто. Помнила холод каменного пола под босыми ногами. Помнила страх, когда смотрела в бездну. Помнила запах демонической крови.

Но не помнила, где родилась.

— Я... — голос дрогнул. — Я не помню.

Нергал приподнял бровь.

— Не помнишь?

— Я помню... что я оттуда. Что у меня была... жизнь. — Слезы навернулись на глаза, и она не смогла их остановить. — Но я не помню деталей. Не помню лица. Не помню названий. Это как... как если бы кто-то взял ластик и стёр самое важное.

Нергал медленно повернул голову к Мефисто.

— Это ты? — спросил он.

Мефисто развёл руками. В его жесте было столько наигранной невинности, что даже Фиби, сквозь нарастающую панику, почувствовала фальшь.

— Я? — переспросил Мефисто, прижав руку к груди. — Я всего лишь брал кровь и осматривал зубы. Клянусь всеми хвостами в преисподней, я не трогал её память. Может быть, это последствия перехода? Сдвиг реальности всегда травматичен для человеческого мозга.

Нергал смотрел на него долго. Очень долго. В комнате повисла такая тишина, что Фиби слышала биение собственного сердца.

— Ладно, — сказал наконец Нергал. — Мы разберёмся с этим позже. — Он встал. — Мефисто, проводи меня в лабораторию. Нам нужно поговорить.

Мефисто кивнул, бросил быстрый взгляд на Фиби — в этом взгляде было что-то странное, чего она не могла прочитать — и вышел вслед за правителем.

Дверь закрылась.

Фиби осталась одна, сидя на кровати, с руками, сжатыми

в кулаки, и с пустотой в голове, которая пульсировала, как свежая рана.

Глава Девятая. Нергал.

В лаборатории Нергал медленно обошёл стол с инструментами, провёл пальцем по холодной поверхности. Мефисто стоял у стеллажа, скрестив руки на груди, и ждал.

— Ты знаешь, — сказал Нергал, не оборачиваясь, — я не люблю, когда мне лгут.

— Я не лгал, — ответил Мефисто ровно.

Нергал резко обернулся. Красные глаза вспыхнули.

— Я стёр ей память, — сказал он.

Тишина.

Мефисто замер. На его лице не дрогнул ни один мускул — но внутри, где-то глубоко, что-то щёлкнуло, как тетива натянутого лука.

— Простите? — переспросил он.

— Ты слышал, — Нергал подошёл к нему почти вплот-

ную. Говорил тихо, но каждое слово звенело, как удар молота по наковальне. — Пока она спала — в первую ночь. Я вошёл в её сознание и стёр всё, что касалось её мира. Названия. Лица. Географию. Технологии. Всё, что могло бы помочь ей вернуться самостоятельно или рассказать кому-то ещё.

Мефисто молчал. Его щупальца под халатом шевельнулись — раздражённо, произвольно.

— Зачем? — спросил он наконец. Голос звучал спокойно, но в этом спокойствии чувствовалось напряжение.

— Зачем? — Нергал усмехнулся. — А ты не догадываешься? Её мир, Мефисто, — это сокровищница. Ресурсы, которых у нас нет. Технологии, которые мы не развили. Люди — миллиарды людей, о которых никто здесь даже не знает. Ты представляешь, что мы можем получить, если у нас будет ключ к этому миру? — Он сделал шаг назад, разводя руки. — А она — ключ. Не просто человек с нулевым ресурсом. Она — мост. Через неё мы можем выйти на контакт. Заключить сделки. Открыть порталы.

— Но вы стёрли ей память, — медленно произнёс Мефисто. — Как она может быть мостом, если не помнит, откуда пришла?

— Память не важна, — отмахнулся Нергал. — Важна связь. Её кровь, её тело, её сущность — они помнят. Это не осознанное знание. Это что-то глубже. Мы сможем использовать её как якорь, даже если она не вспомнит ни единого названия. — Он повернулся к столу, взял колбу с остатками её крови, поднёс к свету. — А полное отсутствие воспоминаний делает её податливой. У неё нет прошлого, к которому можно вернуться. Нет дома, по которому она будет тосковать настолько, чтобы пытаться сбежать любой ценой. Она здесь. Одна. Зависимая от нас.

Мефисто слушал. Его лицо оставалось непроницаемым — маска, которой он овладел в совершенстве. Но внутри... внутри что-то неприятно скреблось. Не совесть — у него не было совести в человеческом понимании. Скорее... осознание того, что его тоже использовали. Что Нергал не посвятил его в этот план. Что он, Мефисто, правая рука правителя, узнал обо всём последним.

— Вы сделали её своей марионеткой, — сказал он. Без осуждения. Просто констатация факта.

— Я сделал её нашей марионеткой, — поправил Нергал. — Не забывай, Мефисто, ты тоже часть этого. Твоя лаборатория. Твои эксперименты. Твои щупальца, которые она так боится. Мы — команда.

Он поставил колбу на место и подошёл к Мефисто вплотную. Красные глаза встретились с тёмными.

— Ты поддержишь меня в этом? — спросил Нергал. Вопрос был риторическим. Он не терпел отказа.

Мефисто выдержал паузу. Ровно настолько, чтобы не выглядеть слишком покладистым, но и не настолько, чтобы посеять сомнения.

— Всегда, — сказал он с лёгким поклоном. — Я ваш верный слуга, Нергал. Вы знаете.

Нергал улыбнулся — довольно, по-хозяйски.

— Хорошо. Тогда продолжим. Она согласилась на сотрудничество — теперь наша задача сделать так, чтобы она не передумала. Будь с ней помягче. И пожёстче одновременно. Ты умеешь.

— Я умею, — подтвердил Мефисто.

— И ещё, — Нергал уже шёл к выходу, но на пороге обернулся. — Зубы ей не трогай пока. Я хочу сам изучить эту примесь. Возможно, она важнее, чем мы думаем.

Дверь за ним закрылась.

Мефисто остался один. Несколько секунд он стоял неподвижно, глядя на закрытую дверь. Потом медленно подошёл к столу, взял шприц с остатками её крови — той самой, которую Нергал только что рассматривал — и аккуратно убрал в карман.

— Команда, — прошептал он, кривя губы в усмешке. — Какое красивое слово.

Он посмотрел на дверь, ведущую в комнату Фиби. Там, за тонкой деревянной панелью, сидела девушка, которая не помнила собственного прошлого, не знала настоящего и боялась будущего. Девушка, которую он кормил с ложки вслепую, которая падала в обморок при виде расчленённых тел и которую тошнило от запаха демонической крови.

Девушка, которую он... что? Что он к ней чувствовал? Мефисто не знал. Не хотел знать.

— Бедная Фиби, — сказал он тихо, направляясь к её комнате. — Ты даже не представляешь, в каком дерьме оказалась.

Он открыл дверь.

Она сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела в одну точку. Лицо было бледным, глаза красными от несдержанных слёз. Увидев Мефисто, она не вздрогнула, не отшатнулась. Только посмотрела на него — устало, безнадёжно.

— Он стёр мне память, да? — спросила она. Голос был тихим, почти безжизненным. — Я не дура. Я поняла. Ты мог бы просто сказать.

Мефисто закрыл за собой дверь, подошёл к кровати и сел рядом — на то же место, где до этого сидел Нергал.

— Да, — сказал он. — Стер. Чтобы ты не могла вернуться. И чтобы ты была послушнее.

— И ты с ним заодно, — это был не вопрос.

Мефисто помолчал. Потом медленно, осторожно, положил руку ей на плечо. Она не отодвинулась.

— Я всегда с ним заодно, Фиби, — сказал он. — Таковы правила. Но правила... они иногда меняются.

Она подняла на него глаза. В них всё ещё были слёзы, но появилось и что-то ещё — искра, которую не могли погасить ни страх, ни отчаяние.

— Что это значит? — спросила она.

Мефисто убрал руку, встал и подошёл к двери. На пороге обернулся.

— Это значит, что ты не одна, — сказал он. — Даже когда тебе кажется, что все против тебя. Отдыхай. Завтра будет долгий день.

Он вышел.

Фиби осталась сидеть на кровати, глядя на закрытую дверь, и впервые за всё время её пальцы перестали дрожать.

Не потому, что ей стало легче.

А потому, что она наконец поняла: в этом мире, полном демонов, лжи и стёртой памяти, единственный, кто сказал ей правду — пусть не всю, пусть скупое, пусть для своих целей — был безумный врач с щупальцами.

И это было страшнее, чем сама бездна.

Глава Десятая. Фиби.

День тянулся медленно, как патока. Фиби почти не выходила из своей комнаты — только когда Мефисто приносил еду, и то она старалась есть быстро, не поднимая глаз. Разговор не клеился. После утреннего визита Нергала и шокирующего откровения о стёртой памяти говорить не хотелось ни о чём.

Она сидела на кровати, обхватив колени, и смотрела в стену. Мысли ворочались тяжело, как камни. Он стёр мою память. Я никогда не вспомню лицо матери. Я никогда не вспомню, где мой дом. Я никогда не вернусь — даже если он откроет портал, куда мне идти? В никуда?

Дверь открылась без стука.

Мефисто стоял на пороге с чем-то в руках — небольшая коробка из тёмного дерева, инкрустированная серебром. На его лице было то самое выражение: смесь делового интереса и предвкушения, от которой у Фиби сводило желудок.

— Вставай, — сказал он бодро. — Работа.

— Какая работа? — она не пошевелилась.

— Идентификация, — Мефисто вошёл в комнату и поставил коробку на стол. Откинул крышку. Внутри, на бархатной подушке, лежали странные инструменты: тонкие иглы, какие-то стеклянные ампулы с чернилами — только чернила были не чёрными, а тёмно-синими, почти чёрными, с мерцающим отливом, как ночное небо. И ещё один предмет, похожий на печать, с замысловатым узором на конце. — Я не могу держать тебя здесь без опознавательных знаков. Если ты случайно сбежишь — а ты, я знаю, обязательно попытаешься — любой демон в Нефелионе должен понять, чья ты собственность.

— Я ничья собственность, — Фиби встала, сжав кулаки.

— О, дорогая, — Мефисто покачал головой, не переставая улыбаться. — В этом мире собственность — единственная защита. Если на тебе нет метки, ты — дичь. А дичь можно убить, съесть, продать. С меткой — ты чья-то вещь, а вещи имеют цену. Вещи возвращают владельцу. Понимаешь разницу?

— И чья же метка будет на мне? — спросила она с горечью. — Твоя?

Мефисто сделал паузу. Его пальцы замерли над ампулами.

— Нергала, — сказал он. — Ты будешь отмечена знаком правителя. Это лучшее, что я могу для тебя сделать. Под защитой Нергала никто не посмеет тебя тронуть. — Он поднял на неё глаза. — Кроме нас с ним, разумеется. Но мы, как видишь, пока не кусаемся.

— Не кусаемся? — Фиби нервно усмехнулась. — Ты вчера расчленил труп у меня на глазах, придурок!

— Это была работа, — Мефисто пожал плечами. — А это — тоже работа. Садись на стул.

Он указал на стул у стола, тот самый, на котором она сидела вчера во время осмотра зубов.

— Не сяду.

— Сядешь.

Она стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на него с вызовом. Мефисто вздохнул — тяжело, устало, как учитель перед особо непонятливым учеником.

— Фиби, — сказал он терпеливо. — Это не больно. Ну, почти. Татуировка делается магически — не иглами, как в

твоём мире. Я просто приложу печать, и через несколько секунд рисунок появится на коже. Всё. Никакой крови. Никаких криков. Просто... щекотно.

Она покосилась на печать. Потом на него. Потом снова на печать.

— И куда?

— На внутреннюю сторону запястья. Стандартное место. Не прячешь — не показываешь. Удобно.

Фиби закусил губу. Внутри боролись два желания: согласиться и покончить с этим, или отказаться и посмотреть, что он будет делать. Второе было опаснее, но первое... первое означало сдаться. Поставить клеймо, как скоту.

— Нет, — сказала она твёрдо. — Я не буду ходить с тавром, как корова.

Мефисто потерял терпение. Это случилось не сразу — сначала он попытался уговаривать, потом объяснять, потом пригрозил, что заставит силой, а потом...

Потом она рванула к двери.

Она бежала не думая — просто ноги понесли её, вынесли из комнаты в коридор, из коридора в галерею, где было шесть окон в бездну, из галереи в другой коридор, в какой-то зал с колоннами, оттуда — обратно в лабораторию, потому что замкнутый круг этого проклятого места не оставлял выхода.

Она петляла между столами, перепрыгивала через ящики, один раз чуть не опрокинула стойку с колбами — Мефисто успел перехватить её щупальцем за талию, но она извернулась, выскользнула и побежала дальше, сбивая всё на своём пути.

— Стоять! — крикнул он, но она не слушала.

— Не догонишь! — выкрикнула она в ответ, ныряя под стол.

Зря она это сказала.

Потому что в следующую секунду щупальца настигли её сразу с трёх сторон. Одно обвило лодыжку, дёрнуло — Фиби растянулась на полу, больно ударившись локтем. Второе — запястье, прижав руку к спине. Третье — второе запястье, и она оказалась лежать лицом вниз, раскинутая, как морская звезда.

— Пусти! — она дёргалась, билась, пыталась укунить щупальце, которое проползло слишком близко к лицу, но всё было бесполезно.

Мефисто подошёл медленно, с чувством собственного достоинства, поправил халат и сел на корточки рядом с её головой.

— Набегалась? — спросил он ласково.

— Пошёл ты!

— Некультурно, — вздохнул он. — И неэффективно. Ты думаешь, если будешь орать, я тебя отпущу? Нет, Фиби. Я стану только упрямее. Как и ты. Мы с тобой очень похожи, знаешь? Упёртые, истеричные, с завышенным чувством собственного достоинства. Мне это в тебе нравится. Но сейчас — не время для игры в партизан.

Он приподнял её руку — ту, что была свободнее, развернул запястьем вверх. Щупальца держали крепко, почти больно.

— Не надо, — прошептала Фиби, и в голосе её впервые прозвучала не злость, а страх. — Пожалуйста. Не надо клейма.

Мефисто замер.

— Фиби, — сказал он тихо. — Это не клеймо. Это броня. Тебя не тронут, пока на тебе знак Нергала. Ни один демон, ни одна тварь из бездны. Это защита. Я не хочу, чтобы тебя съели в первый же день, как ты высунешь нос из этой башни. Понимаешь?

Она не ответила. Только всхлипнула — коротко, сдавленно, уткнувшись лицом в каменный пол.

— Будет не больно, — повторил он. — Обещаю.

Он достал печать, подул на неё — узор засветился тусклым синим — и приложил к её запястью.

Фиби заорала.

Потому что Мефисто был прав: больно не было. Но было ощущение, что кто-то пробирается под кожу — ледяными, скользкими пальцами — и что-то там пишет, выводит замысловатые буквы, смеётся. Чувство было настолько неправильным, настолько интимно-отвратительным, что она закричала — не от боли, от ужаса.

Мефисто держал печать ровно пять секунд. Потом убрал.

— Готово, — сказал он, отпуская щупальца.

Фиби лежала на полу, тяжело дыша, и смотрела на своё запястье. Там, на бледной коже, проступал тёмно-синий узор — стилизованная буква «N» с короной, вписанная в круг. Знак правителя. Красивый, чёткий, словно напечатанный на коже много лет назад.

— Ненавижу тебя, — прошептала она.

— Знаю, — Мефисто поднялся, убирая печать в коробку. — Но ты жива. И будешь жить дальше. А ненависть... ненависть лечится временем. Или привыканием. Или тем и другим одновременно.

Он вышел из лаборатории, оставив её на полу, и Фиби ещё долго сидела, глядя на чужое имя, выжженное на её руке.

Вечером она не выходила из комнаты.

Мефисто принёс ужин — поставил поднос на стол, не сказал ни слова, ушёл. Есть не хотелось. Фиби сидела в темноте, поглаживая пальцами татуировку, и чувствовала, как под кожей иногда проходит лёгкий холодок — знак напоминал о

себе, пульсировал в такт сердцу.

В доме было тихо. Слишком тихо.

Она решила выйти — просто попить воды. Дверь в лабораторию была приоткрыта, и оттуда падал слабый свет. Фиби сделала несколько шагов, заглянула внутрь — никого. Столы пусты, инструменты убраны, колбы на полках поблёскивают зеленоватым. Мефисто, видимо, ушёл.

Но потом она услышала плеск.

Звук шёл из-за дальней стены — там, где раньше она не замечала двери. Оказалось, есть. Маленькая, неприметная, занавешенная тяжёлой тканью. Свет пробивался из-под неё, и слышалось журчание воды.

Ванная?

Фиби подошла ближе, замерла. Ткань была не плотной — она видела щели между нитями. Достаточно широкие, чтобы... чтобы разглядеть.

Она знала, что подглядывать неправильно. Знала, что Мефисто убьёт её, если узнает. Знала, что это вторжение в личное пространство, которое она сама так рьяно защищала. Но

любопытство — то самое, которое погубило кошку — оказалось сильнее.

Она прильнула к щели.

Ванная была небольшой, но роскошной — чёрный мрамор, медные краны, ванна на львиных лапах, из которой поднимался пар. И в центре этого великолепия стоял Мефисто.

Он снимал халат.

Фиби замерла, не дыша. Он делал это медленно, почти ритуально — отстегнул пуговицы, сбросил белую ткань на пол. Под халатом оказалась простая чёрная рубашка, которую он тоже стянул через голову, обнажив торс.

Он был строен. Не мускулист, но поджар, как гончая. Бледная кожа, чёткие линии ключиц, тёмная дорожка волос, уходящая за пояс брюк. Ничего демонического — наоборот, почти красивое, почти человеческое тело.

Фиби вдруг поняла, что краснеет, но отвести взгляд не могла.

Мефисто подошёл к зеркалу, провёл рукой по волосам, поправил челку. Потом вздохнул — глубоко, устало — и рас-

слабил плечи.

И тогда это случилось.

Из его груди — прямо из центра, из области солнечного сплетения — что-то вырвалось наружу. Что-то тёмное, живое, скользкое. Щупальца. Те самые, которыми он хватал её, держал, обездвигивал. Только сейчас они вылезали не из-под халата, не из спины — из груди. Из самого его нутра.

Они выползали медленно, словно нехотя, и каждый раз, когда очередное щупальце появлялось, Мефисто вздрагивал — не от боли, нет. От облегчения. Будто снимал слишком тесную одежду, в которой проходил целый день.

Щупальца обвили его собственное тело — плечи, бока, бёдра. Они двигались плавно, почти ласково, как будто прижимались к хозяину в поисках тепла. И Мефисто закрыл глаза, откинул голову назад, и на его лице появилось выражение... странное. Не наслаждение. Не боль. Что-то среднее — уязвимость, которую она никогда не видела раньше.

Фиби отшатнулась от щели.

Сердце колотилось где-то в горле. Она прижала ладонь ко рту, чтобы не закричать — от страха, от отвращения, от че-

го-то непонятного, что скручивало внутренности узлом.

У него щупальца из груди. Не из спины. Не из-под халата. Изнутри.

Это было неправильно. Не так, как она представляла. Она думала, что они — придатки, часть тела, как руки или ноги. Но то, что она увидела... это выглядело так, будто они живут внутри него. Будто он носит их в себе, как паразитов, и только когда остаётся один — выпускает наружу.

Стук в дверь. Нет — это стучало её сердце.

Фиби отползла от стены, вскочила на ноги и бросилась обратно в свою комнату. Захлопнула дверь, прижалась к ней спиной, сползла на пол.

Она сидела в темноте, прижимая колени к груди, и всё не могла унять дрожь.

Через несколько минут в коридоре слышались шаги. Мефисто, уже одетый, с мокрыми волосами и свежим лицом, прошёл мимо её двери. Не остановился. Не постучал.

А Фиби всё сидела на полу и смотрела в одну точку, чувствуя, как на запястье пульсирует чужая метка.

Что он такое? Что я такое? И зачем я здесь, если даже демоны не знают, кем они стали?

Она не знала ответов.

Но с этого вечера она смотрела на Мефисто иначе.

Не с одной только ненавистью.

Со страхом.

Другим.

Глава Одиннадцатая. Деус.

Фиби не помнила, как оказалась на этом диване.

Последнее, что осталось в памяти — её собственная комната, темнота, холодный пол и стучащее где-то в груди сердце после того, что она увидела в щёлку ванной. А потом — провал. Словно кто-то выключил свет и включил его снова, но в другой комнате.

Она лежала на широком кожаном диване, под головой — бархатная подушка, на ногах — плед. Комната была огромной: высокие сводчатые потолки, стены, затянутые тяжёлыми гобеленами с изображениями охоты — демоны верхом на чудовищах преследовали что-то, что было слишком изорвано, чтобы разобрать. Камин, в котором горел зелёный огонь — тот самый, бездымный, дающий мало тепла. И кресла. Тяжёлые, тёмные, обитые кожей кресла, расставленные полукругом.

В одном из них, напротив, сидел Мефисто.

На нём снова был белый халат, но без обычной небрежности — застёгнутый на все пуговицы, волосы зачёсаны назад. В руках он держал толстую книгу в кожаном переплёте —

фолиант, который, казалось, был старше, чем весь Нефелион вместе взятый. Читал он, не поднимая глаз, перелистывая страницы с видом человека, который делает это уже сотни раз.

Фиби села, моргая. Голова гудела, во рту пересохло.

— Где я? — спросила она хрипло.

Мефисто не поднял головы. Только перелистнул страницу и ответил тем мягким, чуть скучающим голосом, который она уже успела ненавидеть:

— Ты в гостиной Цитадели нашего правителя. Не волнуйся, доступ к этой территории имеют только генералы, я и сам Нергал. А в последнее время — и ты, маленькая девочка.

— Я не маленькая девочка, — автоматически огрызнулась Фиби, хотя внутри всё сжалось от слова «генералы». — И как я сюда попала?

— Я тебя принёс, — Мефисто небрежно махнул рукой в сторону дивана. — Ты заснула на полу в своей комнате. Не знаю, что тебе приснилось, но выглядело это не очень. Я подумал, что на диване тебе будет удобнее. Не благодари.

Она не собиралась благодарить. Она вообще не собиралась оставаться здесь ни секунды дольше, чем нужно, но ноги были ватными, а голова — чугуной. Фиби поднялась на локтях, тяжело дыша, и огляделась.

Гостиная была роскошной и пугающей одновременно. Везде чувствовалась рука хозяина — властного, эстетствующего, привыкшего к роскоши. Но детали сбивали с толку: когтеточка у камина, похожая на ту, что ставят для кошек, только размером с небольшое дерево. Миски на полу — три огромные миски, пустые, но явно используемые. И запах. Сладковатый, тяжёлый, как в лаборатории, только смешанный ещё с чем-то — мускусом, старой кожей, чем-то хищным.

— Генералы? — Фиби попыталась встать, но голова закружилась, и она снова опустилась на диван. — А кто-то ещё есть, кроме вас? Другие государства, кланы?

Мефисто поднял голову от книги и посмотрел на неё с выражением безграничного снисхождения.

— Всегда поражался человеческой глупости, — сказал он с лёгкой улыбкой. — Этот мир принадлежит только Нергалу. Есть несколько городов-государств на окраинах, но они платят дань и не имеют права голоса. Генералы нужны на случай

вторжения из других миров... — Он сделал паузу и добавил, как бы между прочим: — Или из бездны.

— Вторжения? — Фиби нахмурилась. — Вы кого-то боитесь?

Мефисто устало вздохнул — тяжело, протяжно, как делал всегда, когда считал вопрос идиотским.

— А твой мир славится лучшим кинематографом про инопланетян, — сказал он вместо ответа. — Думай об этом так же. Только без хэппи-энда.

Он закрыл книгу, положил её на подлокотник кресла и потянулся — грациозно, по-кошачьи, хрустнув позвонками. Потом его глаза скользнули куда-то за спину Фиби, и на лице появилось выражение, которое она не могла расшифровать — смесь вежливости и едва скрываемого раздражения.

— Кстати, — сказал он, — познакомься с одним из генералов. Он за твоей спиной.

Фиби замерла.

Она не слышала шагов. Не чувствовала чужого присутствия, не уловила запаха — ничего. Но холодок пробежал по

позвоночнику, и волосы на руках встали дыбом.

— Привет, маленькая мышка.

Голос раздался откуда-то сбоку-сверху — ехидный, ласковый, текучий, как масло. В нём не было угрозы — в том смысле, в каком угроза обычно звучит. В нём было предвкушение. Чистое, незамутнённое удовольствие от того, что должно вот-вот случиться.

Фиби обернулась — и заорала.

Она не хотела кричать. Она хотела сохранить лицо, показать, что её не так просто напугать, что она уже видела расчленённых демонов и демонов с щупальцами из груди, и что ничего нового этот мир ей преподнести не может. Но когда её глаза встретились с тем, кто стоял за диваном, всё пошло прахом.

Он был огромным.

Высоким — намного выше Мефисто. Мускулистым, с загорелой тёмно-серой кожей, которая тускло блестела в свете зелёного камина. Светло-серые волосы были собраны в низкий хвост, открывая заострённые уши — длинные, выразительные, чуть повёрнутые вперёд, как у настороженного зве-

ря. Но самое страшное было в лице.

Красные глаза. Такие же, как у Нергала, но другие — беспокойные, не пронзительные, а горящие, живые, безумные. И рот. Когда он улыбнулся — а он улыбнулся, широко, почти радостно — она увидела зубы. Острые, треугольные, как у акулы. Настоящая пасть хищника, втиснутая в человеческое лицо.

— Ай-ай-ай, — протянул он, наблюдая, как Фиби отшатывается, падает с дивана и приземляется на ковёр, больно ударившись локтем. — Какая нервная. Мефисто, ты её плохо кормишь?

— Я кормлю её лучше, чем она заслуживает, — ответил Мефисто из кресла, не двинувшись с места. — Она просто впечатлительная. Деус, ты мог бы не подкрадываться.

Деус. Так его звали.

Деус обошел диван медленно, плавно, как хищник, обходящий добычу. На нём была облегающая чёрная рубашка, расстёгнутая на две верхние пуговицы, и простые джинсы — такая обычная, почти человеческая одежда, которая только подчёркивала, насколько нечеловеческим было всё остальное.

Он опустил на корточки перед Фиби, положил локти на колени и склонил голову набок, разглядывая её так, будто она была музейным экспонатом.

— Ну, здравствуй ещё раз, — сказал он, и в голосе его звучало искреннее удовольствие. — Я тебя уже видел, знаешь? Ты спала. Очень мило. Свернулась калачиком, руку под щеку подложила. Я тогда подумал: «Какая вкусная маленькая штучка». — Он облизнулся, и язык у него оказался длинным, тёмно-красным, с раздвоенным кончиком. — А теперь я вижу тебя живьём. И знаешь что? Я не разочарован.

Фиби сидела на полу, прижавшись спиной к дивану, и не могла выдавить ни слова. Перед ней было что-то, что выглядело как человек, но не было им. Было хищником. Было чем-то, для чего слово «опасно» — слишком мягкое определение.

— Деус, — голос Мефисто прозвучал предупреждающе. — Она не игрушка.

— А кто сказал, что игрушка? — Деус не обернулся, продолжая смотреть на Фиби. — Она — эксперимент. Я правильно помню? Нулевой резус, странные зубы, полная амнезия... — Он наклонился ближе, и Фиби почувствовала его за-

пах — горячий, пряный, с нотками гвоздики и крови. — Ты пахнешь не как человек, Фиби. Ты пахнешь как... возможность. Как дверь, которую никто не открывал. — Он втянул носом воздух, шумно, с присвистом, и его глаза загорелись ярче. — Мне нравится.

— Отойди от неё, — сказал Мефисто, и в его голосе впервые за всё время появились стальные нотки.

Деус поднял руки — ладони вверх, жест примирения, но глаза смеялись.

— О, какие мы нежные, — пропел он. — Поделиться боишься? Не бойся, Мефисто. Я не кусаюсь. — Он оскалился, демонстрируя все ряды своих треугольных зубов. — Ну, почти.

Он встал, выпрямился во весь рост — и только тогда Фиби осознала, насколько он огромен. Под два метра, наверное, а может, и больше. Мефисто рядом с ним выглядел почти хрупким.

— Ладно, не буду пугать твою подопытную мышку, — Деус махнул рукой и направился к креслу, стоящему у камина. Плюхнулся в него, закинул ногу на ногу. — Тем более что я пришёл не за ней. Нергал где?

— У себя, — ответил Мефисто, возвращаясь к своей книге. — Ждёт тебя. Он сказал, чтобы ты не задерживался.

— О, я не задержусь, — Деус хмыкнул, но с места не двинулся. Вместо этого он снова перевёл взгляд на Фиби, всё ещё сидящую на полу. — Слушай, мышка. А ты ничего так. Страшненькая, конечно, по нашим меркам. Но симпатичная. Для человека.

Фиби наконец нашла голос. Он прозвучал хрипло, но твёрже, чем она ожидала:

— Я не мышка.

Деус моргнул. Потом улыбнулся — широко, по-детски, почти очаровательно, если бы не зубы.

— О, у неё есть характер, — сказал он, обращаясь к Мефисто. — Я в восторге. Она будет веселиться.

— Она будет жить, — поправил Мефисто, не поднимая головы. — Это другой сценарий.

Деус пожал плечами — безразлично, по-хозяйски.

— Посмотрим.

Он поднялся из кресла, потянулся — и Фиби увидела, как под тканью рубашки перекачиваются мышцы. Он двигался как большая кошка: текуче, мощно, опасно. На секунду она представила, что будет, если эти руки сомкнутся на её горле — и внутри всё оборвалось.

— Ладно, — сказал Деус. — Пойду к Нергалу. Не скучай, Мефисто. И ты, мышка... — Он посмотрел на неё сверху вниз, и в его красных глазах мелькнуло что-то неуловимое — не злое, не доброе, а просто... жадное. — Надеюсь, мы ещё поиграем.

Он вышел. Дверь за ним закрылась с мягким стуком, и в гостиной сразу стало как будто просторнее. Воздух перестал вибрировать от его присутствия, и Фиби наконец выдохнула — глубоко, судорожно, не замечая, что задерживала дыхание всё это время.

— Что это было? — прошептала она.

Мефисто закрыл книгу и посмотрел на неё. В его глазах не было сочувствия — только спокойная, трезвая оценка.

— Это было знакомство с Деусом, — сказал он. — Один

из трёх генералов Нергала. Самый... — он задумался, подбирая слово, — ...непредсказуемый. У него нет понятия личных границ, как ты могла заметить. И он обожает пугать людей. Это его способ развлечься.

— Он... он демон? — спросила Фиби, хотя ответ был очевиден.

— Да. И очень старый. Старше меня, если верить документам. — Мефисто встал, подошёл к ней и протянул руку. — Вставай. Пол холодный, простудишься. Нергал будет недоволен.

Фиби посмотрела на его ладонь. Белые пальцы, серебряное кольцо. Рука, которая вчера держала печать с меткой. Рука, из-под которой вылезали щупальца. Рука существа, которое было таким же монстром, как Деус — просто лучше это скрывало.

Она не взяла его руку. Поднялась сама, цепляясь за диван, и отошла на несколько шагов, чтобы быть подальше от них обоих — и от ушедшего, и от оставшегося.

— Все вы одинаковые, — сказала она, глядя в пол. — Все вы смотрите на меня как на мясо.

Мефисто промолчал.

Он вернулся в кресло, взял книгу, но читать не стал. Просто сидел, глядя на зелёный огонь, и впервые за всё время на его лице не было ни улыбки, ни усмешки, ни привычной маски безразличия.

Там была усталость.

Глубокая, древняя, совершенно нечеловеческая усталость.

— Не все, Фиби, — сказал он наконец так тихо, что она едва расслышала. — Не все.

Она посмотрела на него. Долго. И впервые заметила, что под глазами у него тени — не просто усталость, а что-то большее. Что-то, что не проходит даже после сна.

Но спрашивать не стала.

Она боялась ответа.

Глава Двенадцатая. Мефисто.

Фиби сидела на подоконнике, поджав под себя ноги, и смотрела в окно. За толстым, впаянным в камень стеклом клубилась та же самая бездна — чёрная, бесконечная, с редкими далёкими огоньками, похожими на упавшие звёзды. Она уже почти привыкла к этому виду. Почти. Страх никуда не делся, он просто притих, свернулся где-то в глубине груди и ждал своего часа.

Дверь открылась без стука. Мефисто вошёл в комнату с лёгкостью человека, который здесь хозяин — что, в общем-то, соответствовало действительности. В руках он держал книгу — не фолиант из лаборатории, не магический гримуар, а самую обычную, потрёпанную книгу в мягкой обложке.

— Держи, — сказал он, протягивая её Фиби. — Может быть, чтение скрасит твоё свободное время.

Она взяла книгу, повертела в руках, посмотрела на обложку. На ней был нарисован маленький мальчик с развевающимся шарфом, стоящий на какой-то крошечной планете.

— «Маленький принц», — прочитала она вслух и подняла

на Мефисто изумлённый взгляд. — Серьёзно?

— А что тебя удивляет? — он присел рядом с ней на подоконник — осторожно, чтобы не задеть её локтем. — Ты думала, я читаю только медицинские справочники и трактаты по некромантии? У меня богатая библиотека. И поверь, «Маленький принц» — не самая странная вещь, которую я тебе могу предложить. Есть ещё «Властелин Колец» в оригинале, но он на эльфийском. Думаю, ты пока не готова.

— Откуда у тебя... — Фиби провела пальцами по обложке. — Откуда у тебя вообще книги с Земли?

Мефисто пожал плечами. Свет зелёного огня, падавший из лаборатории, играл на его лице, делая тени глубже, а глаза — почти чёрными.

— Порталы, — сказал он просто. — Иногда открываются не туда, куда я планирую. Иногда я нахожу интересные вещи. Книги, музыка, странные металлические штуки, которые пищат и светятся. Ваш мир богат на диковинки. — Он покосился на неё. — Ваши люди — тоже, кстати.

Фиби промолчала. Она смотрела на книгу, но не видела её. Мысли были заняты другим.

Несколько часов назад она строила план.

Он родился не сразу. Медленно, как болезнь, как лихорадка, которая сначала только греет, а потом начинает жечь изнутри. Она заметила, как легко Мефисто реагирует на Дёуса — не на словах, а в тех мелочах, которые он не мог контролировать: лёгкое напряжение в плечах, чуть более жёсткий голос, едва заметное движение щупалец под халатом. И заметила, как Нергал смотрит на Мефисто — не как на слугу, а как на... что-то ценное. Что-то, что не хочется отдавать даже генералу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.